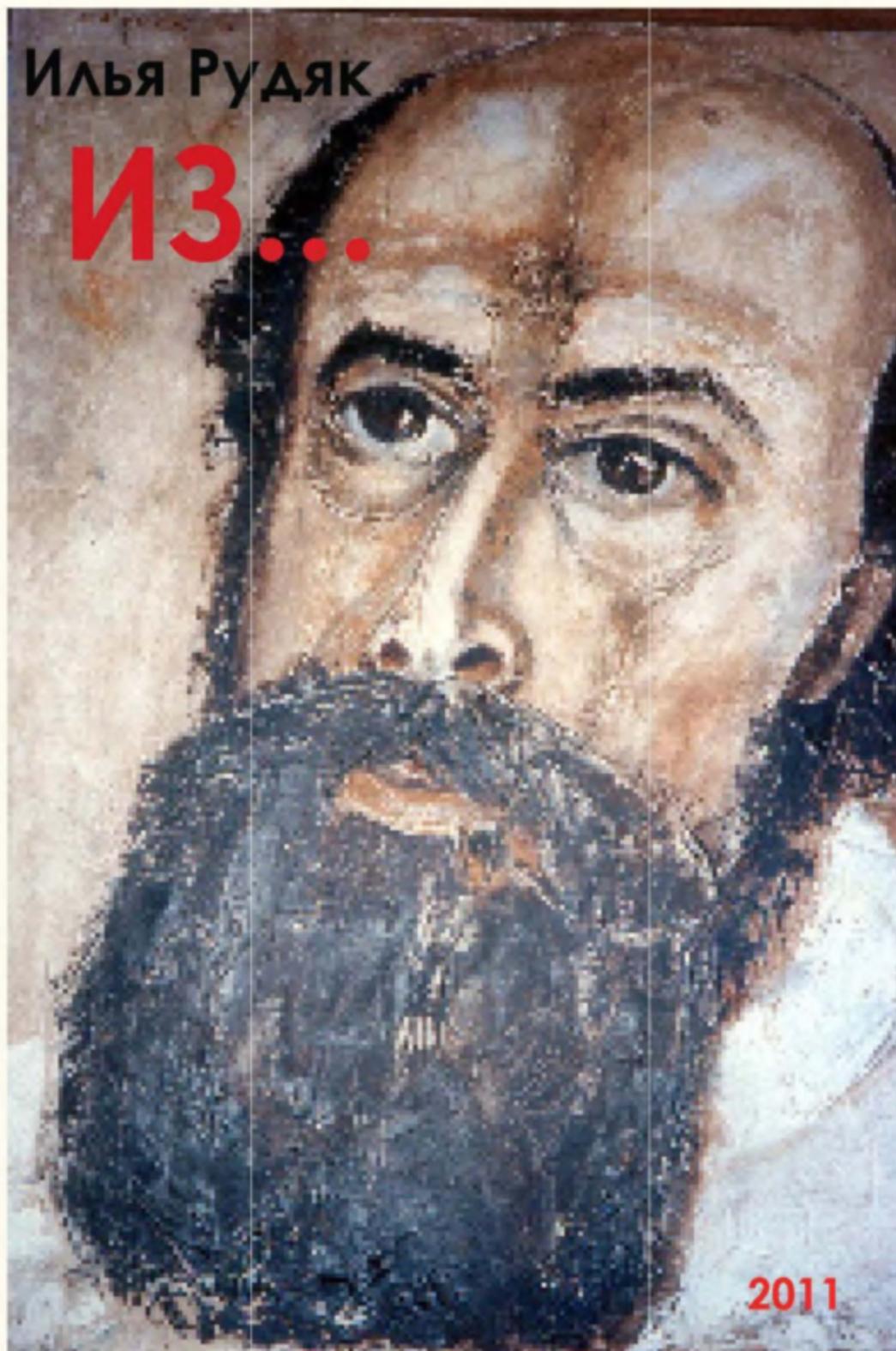

Илья Рудяк

ИЗ...

2011

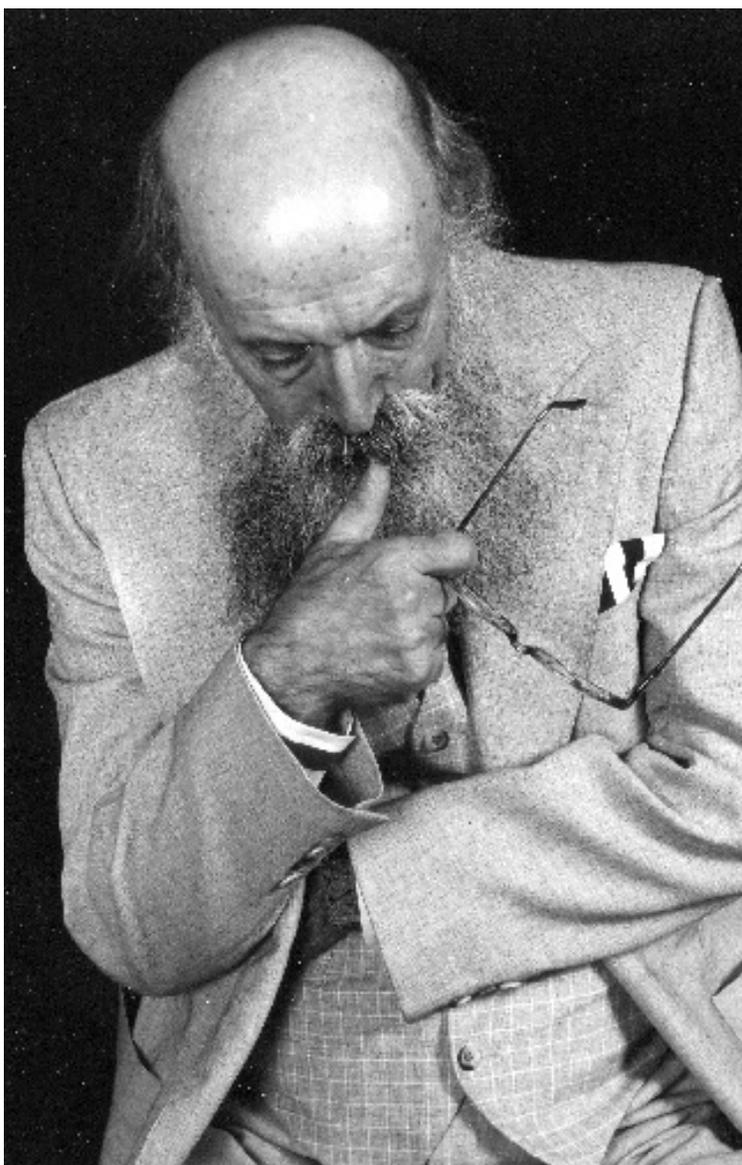
Илья Рудяк

ИЗ

2009

Илья Рудяк

Иванов

*бранные рассказы
далека об Одессе
жизни племени эми
“ПанаСонника”*

Компьютерный набор и верстка - Дмитрий Халабуда
Макет книги - Илья Рудяк
Фотография - Григорий Штэйн

От автора

В “ИЗ...” вошли рассказы не публиковавшиеся ранее ни в одной из моих книг.

Одесса - мотив для меня неприедающийся.

Тема эмиграции естественна, коль я живу в Америке.

И вот уже двадцать девять лет я ежедневно записываю сны на Panasonic - отсюда русское “ПанаСонник” - многие из них превратились в рассказы.

Все права охраняются законом.

Copyright © 2009 Ilya Rudiak Collaborative Spirit. All rights reserved .

Часть первая

ЗНАКОМСТВО

В первый день моего приезда в Одессу я познакомился ... с Остапом Бендером, точнее, с его бледной тенью. У меня в записной книжке было несколько адресов по которым я должен был найти наших родственников.

Я обратился в трамвае к соседке по сиденью:

- Скажите, пожалуйста, где мне найти «Стол справок»?

- Вежливый, молодой человек, остановка после того, что я выйду – будет Преображенская. Ви чуть-чуть пройдете и окажетесь на Дерибасовской. Там возле Городского сада, рядом с кинотеатром Уточкина есть справочная будка - туда не идите, а чуть выше возле фотографии сидит на стульчике за весами. старый еврей. У него ви получите точные сведения нащот, как найти адреса в два раза дешевле.

Я поблагодарил и пошел по ее указке.

Улица Преображенская – называлась Советской Армии, кинотеатр Уточкина – им. Маяковского, слава богу старый еврей оказался на месте. На его весах висела табличка. «Куда, где, что – только через весы». Я стал на весы.

Они показали 57 с половиной килограмм.

- Для вашего роста – мало. Вам надо кушать побольше рыбы и фруктов. С вас 20 копеек.

Я расплатился.

- Как попасть в переулок Нечипуренко?

- Слезайте с весов и становитесь снова.

В Авчинниковский, так он назывался раньше, надо идти...

И он мне быстро разъяснил путь.

Я сам без напоминаний повторил процедуру трижды. И услышал живой рассказ об улицах Одессы всего за один рубль.

СОЛЬ ОДЕССЫ

Думаю, что Изю Бирбойма знала вся Одесса. То, чего нельзя было достать в аптеках, у Изи лежало в накрытом старым ковром сундуке, служившем ему и кроватью. Он жил в полуподвале на углу Екатерининской и Жуковской. Новые наименования улиц он не признавал. До революции у отца его, Мануса Бирбойма, была аптека, соперничавшая с Гаевской. Изя собирался продолжить семейную традицию. Большевики установили новую: «Грабь награбленное!».

Бирбоймы полностью обнищали. Старик вскоре скончался. Сестра Мириам вышла замуж на румынского провизора, часто бывавшего в Одессе. Вместе с мамой они уехали в Бухарест. Изя с трудом устроился в аптечный киоск на морвокзале. Он остался холостяком, у него была астма и страсть к книге. Страсть особая: Пушкин. В благополучные гимназические годы на дни рождения ему дарили Пушкина. У него собрались прижизненный «Евгений Онегин», «Записки де Оршиака», «Дуэль», академика Щеголева, шеститомник Брокгауза и Ефрона с золотым тиснением. В тридцать седьмом вышли «Пушкин в жизни» и «Спутники Пушкина» Вересаева. Достать их было невозможно. В это время у Караимова, директора книжного в Круглом доме на Греческой заболела девочка, её мог спасти только пенициллин. Вспомнили о Бирбойме. Бухарестский свояк переслал лекарство с моряком из Констанцы. В знак благодарности, Караимов вручил Изе четыре фолианта в папках с барельефом поэта.

С этого, пожалуй, началась новая миссия скромного, чудаковатого Изи Бирбойма. Природная интеллигентность не позволяла ему наживаться на чужом горе. Он почувствовал радость быть нужным. Его «клиентом» мог быть и учитель, и портовая проститутка, и участковый «мусор».

Ему делали подарки книгами, коробками конфет, хорошим вином. О его «гешефтах» знали и наверху, но не трогали – до поры, до времени. Однажды к нему обратилась дворничиха Муся, соседка по полуподвалу. У неё было четверо приبلудных детей, мал-мала меньше. У грудного мальчика обнаружили бронходенит. Необходим был порошок паск. Изя нашёл его. Муся отблагодарила его.

Ранним июльским утром к нему пришли трое в фуражках с синими околышками и предъявили ордер на обыск. Понятой была та же Муся.

В один мешок они побросали всего Пушкина, в другой – улики из сундука.

И увели Бирбойма на Бебеля.

Он проходил как румынский шпион. Неделю подряд следователь Шевчук клал перед Бирбоймом на стол отобранный ингалятор и требовал фамилии, имена, явки.

- Исак Манусович, зря отпираетесь.

Изя хватал воздух открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег, и тянулся к трубке. Шевчук резиновым шлангом с размаху бил по руке. Следовал обморок. Его уносили в камеру-жаровню. На восьмые сутки, когда открыли дверь, он лежал перед ней мёртвый, с обезображенным от удушья лицом.

Французский ингалятор Шевчук отнёс комиссару второго ранга, у которого тесть страдал астмой.

ЛОЛИТА НА ЧЕРНОМ МОРЕ

Мы стояли на мосту через громадный овраг. Мост соединял трассу, ведущую в портовый город. Седовласый высокий мужчина строил этот мост двадцать лет назад, а сейчас, оказавшись на пенсии, его “потянуло к местам, где бывал счастлив.”

Меня же занесло сюда на выбор природы для фильма.

Мы оказались соседями по номеру единственной гостиницы в городке.

Говорил он тихо, не повышая и не понижая голоса:

- Я больше года жил тогда в этом же номере. Он здесь считается райкомовским - для важных гостей.

У меня как-то под понедельник кончились сигареты, а было уже около двенадцати ночи. Купить их в такое время можно было только на вокзале.

Я пошел туда. Хорошо, что буфет еще работал, и я запасся на всю неделю. Идя по залу, я столкнулся взглядом с девчонкой, сидящей на рюкзаке у стенки. Она была совсем юной, пухлогубой, курносой.

Не вставая, вдруг обратилась ко мне, с явно московским говором:

- Пожалста, дайте мне закурить.

Это “пожалста” без обычного “дяденька” меня обескуражило. Я протянул ей сигарету.

- И. пожалста, если можно, зажигалку..

- А у тебя и спичек нет.

- Я никогда не курила. Это будет в первый раз.

- Зачем? Может, не надо.

- Надо.

- Почему?

- Грустно.

Я не спешил зажечь огонь.

- Обидел кто?

- Да.

- А именно?

- Я приехала на практику. На первую практику. Пришла на объект. Никого нет - воскресенье. Ладненько. Сторож говорит, что начальник живет в гостинице. Пошла туда. Дежурная с порога: “Мест нет” - и даже не пустила

вовнутрь. Вернулась на вокзал. Все скамейки, сами видите, заняты. “Что делать?” - как спрашивал Чернышевский.

- Тебя как звать?

- Верочкой.

- Пятый сон Веры ...

- Вениаминовны.

- ... предстоит не радужный. А я – тот самый начальник...

- Вы... - и она приподнялась от удивления.

- Давай рюкзак, и пошли.

Она повеселела и засеменила рядом, стараясь подстроиться под мой шаг.

“Свободных коек в гостинице, действительно, нет. Все занято мостостроевцами и командировочными. В моем номере вторая кровать свободна, райком держит на всякий пожарный, но неудобно же приводить ее, а дежурная – дрянь, конечно, полная – не захочет куда-то пристроить девчущку, да еще такую красотку”, - думал я по дороге. “Что делать?” - как спрашивал Николай, кажется, Гаврилович. И я решил.

Окно нашего номера, как вы знаете, выходит во двор с тыла. Сейчас темень, никто ничего не увидит. Переспит. А завтра незаметно выскользнет, и найдем ей угол в какой-то квартире.

Я рассказал ей ситуацию.

- А не попадет вам, не боитесь?

- Чего бояться?

- А меня?

- “Ой, страшно, аж жуть!” - напомнил я ей Высоцкого.

Скажу вам честно, что никакой задней мысли я не имел. Моей старшей дочурке к этому времени уже лет девять было. Жена иногда наезжала. Я не был “голоден”, да и работы навалом.

Он закурил.

- Пробрались мы благополучно. Я вышел, чтобы она переоделась.

Заснуть я сразу не мог. И она не спала. Ну, вы понимаете, нет, да нет, а подсознательно чувствуешь, что обстановка необычная, что еще молод, несмотря на седину в кудрях...

- Можно я вас буду называть Седенький? - спрашивает вдруг она.

- Можно, если так уж нравится.

- Нравится, нравится.

Уже третий час ночи, а ни у меня, ни у нее сна в глазу и не бывало.

Неожиданно она встает и в чем мать родила садится ко мне на кровать.

- Седенький, ну я вам ведь тоже нравлюсь.. Давайте я вас поцелую.

Наклоняется ко мне и целует волосы, лоб, глаза, губы... раскрывает одеяло и продолжает идти по телу.. меня охватила сладкая, до боли приятная дрожь, я боялся шелохнуться, со мной это было впервые, я был наслышан, но никогда не испытывал такого. Мне бы надо было ее остановить, пристыдить, но я оказался во власти ее чар и сдался..

- Ты этому у кого научилась? - нелепее вопроса придумать, конечно, нельзя было. Но во мне заговорил чистоплюй.

- У Художника. Я расскажу вам, Седенький, историю московской девочки, и у вас после этого не будут возникать наивные вопросы.

Она прильнула ко мне и, перебирая пальцами волосы на моей груди, шепотом стала рассказывать.

- Я живу с бабушкой и с мамой в Сокольниках. Ты Москву не знаешь?
- спросила она, переходя вдруг на "ты".

- Бывал, но хорошо не знаю.

- Наш дом недалеко от тюрьмы "Матросская тишина". Дом добротный, "сталинский". Квартира на третьем этаже, номер пять, а в шестой, напротив, жил бородатый Художник с длинными волосами. Мы часто встречались. То на лестничной площадке, то в лифте, и он, улыбаясь, говорил:

- Растем, красавица, не по дням, а по часам. Скоро невестой станем.

Я краснела, но мне нравились и слова его, и он сам. А было мне тогда одиннадцать лет. Однажды он пригласил меня к себе. Я давно мечтала увидеть его мастерскую. А когда увидела - была потрясена. Всюду краски, кисти, альбомы, и на стенах - картины, картины, картины. И среди них - голые женщины. Красивые, пышные, соблазнительные. Я, Седенький, очень рано почувствовала в себе влечение к мальчикам. А он, Художник, понял это, но был умен и не спешил. Год он готовил меня к любви. Рисовал мои портреты. То в школьной форме, то в спортивном костюмчике - и мои, бабушка и мама, были в восторге. А когда он предложил голенькой

позировать, то не подозревал, как мне самой этого хотелось.

Осторожно, не спеша, помог стянуть с меня рейтузы, трусики. Я вся дрожу и чуть в обморок не падаю. Посадил на плед в кресло и попросил ножки чуть-чуть раздвинуть. Я вся – в ожидании чего-то страшного, тайного, и в то же время желанного. Но Художник явно дразнил меня, рисовал и не дотрагивался до тела. Эти эскизы бабушка и мама, конечно, не видели. Как-то спрашивает: “А ты не хочешь меня голеньким нарисовать? Я тебя, а ты меня”.

Я эту хитрость, эту игру поняла и говорю: “Хочу”. Он подобрал холст, дал мне кисточку, палитру с красками и стал медленно раздеваться. Я пылала от нетерпения увидеть его голым. Мы стояли друг перед другом, и я впервые увидела возбужденный мужской ... Я до этого видела у малышей тоненькую пипку, а тут... И знаешь, о чем я подумала? “Неужели это все может войти...?” Меня всю проняло от низа животика до выпирающих грудок. А он не проявлял никаких страстей, боялся испугнуть меня. Я сама подошла к нему и дотронулась пальчиком ...

Он нежно стал покрывать меня поцелуями, всю, всю, всю и попросил то же самое сделать ему. В тот день я впервые познала “французскую любовь”, оставаясь невинной. Так длилось больше месяца. Я прирастилась к этому, я сама просила “рисовать портреты”. Но для нас этого было уже недостаточно. После дня моего рождения это свершилось. Я стала женщиной и была счастлива. Продолжалась эта сладкая тайная любовь до восьмого класса. Мы неожиданно попались, что и было естественно: сколько веревочке не виться...

Бабушка метала громы и молнии, заставляла маму заявить в милицию, та не хотела огласки, а я выгораживала Художника, кричала, что они ничего не понимают! Но надо знать мою бабушку, старую большевичку: закончилось все судом и пятнадцатью годами лишения свободы в лагере усиленного режима.

Я долго не могла прийти в себя.

Меня перевели в другую школу и... в десятом я влюбилась в красавчика Лешку Мещерского, затем в актера с Таганки, а теперь в тебя, Седенький.

И она снова привела меня в возбуждение, и мы бездумно, без удержу отдались друг другу.

Верино откровение перешло в сон.

Меня преследуют конвоиры. Я слышу за спиной их громкий топот сапог. Голый, с брюками в руках, я убегаю по узкому коридору между двумя песочными горами, тянущимися до самого неба. Пасмурно. На дороге валяются полудохлые кошки, я натываюсь на них босыми ногами, они прилипают, и я не могу от них отделаться. Пытаюсь натянуть брюки, но тщетно. Топот уже совсем рядом. Ужас сковал сердце. Я задыхаюсь... кричу...

- Седенький, что тебе снится?

Не могу сразу осознать, где я, кто со мной рядом...

Вера зацеловывает меня, и я возвращаюсь в реальность.

... Возникла долгая пауза. Он, должно быть, прокручивал перед собой этот эпизод.

- Утром, еле продрал глаза, мы незаметно покинули гостиницу.

С трудом нашел в ближайшей деревне комнату в доме одинокой старухи, с условием, что починю ей крышу.

Месяц Вериной практики перевернул в моей жизни все вверх тормашками. Скорее я был практикантом в области любви. Все, что было до встречи с ней, можно было считать предисловием к роману. Изможденный за ночь, я метался весь день на стройке, чтобы вечером мчаться к Вере.

Месяц пролетел, промчался, как один день.

На перроне вокзала, перед отходом поезда она бросилась мне на шею, и давай целовать, приговаривая:

- Седенький, не хочу уезжать, не хочу. Я люблю тебя, Седенький мой!

И знаете, вокруг люди, и, возможно, даже знавшие меня, а мне не стыдно, стою, улыбаюсь, глажу ее голову, плечи, целую, и счастлив.

Но когда поезд отошел, нахлынула на душу такая грусть-тоска, что пошел я в тот самый буфет и выпил один-единешенек чекушку, закусив черствым, хрустящим чебуреком.

Через две недели звонок на стройку:

- Седенький, я брожу по твоим улицам. Я скучаю по тебе, Седенький...
- Верка! Ты не шутишь?
- Я в Одессе...
- Жди у Оперного в семь.

И это в разгар сдачи объекта - не сумасшествие ли?

СМУрной наш ГАЗик примчал меня в запыленной куртке и светлых от известки ботинках к переулку перед Оперным, где висел “кирпич”, запрещающий проезд. А Вера, увидев знакомую машину, бежит навстречу. Возникший невесть откуда гаишник свистит, а она ему посылает воздушный поцелуй, вскакивает в кабину, и тот, махнув на нас жезлом, отпускает с богом.

- К морю, Седенький, к морю...

И голову на плечо.

Я привез ее в Черноморку, или по-старому в Люстдорф, когда луна уже вошла над морем. Берег безлюден. Верка сбрасывает с себя все одежды и голая, как юная богиня, входит в серебристую дорожку на воде. Это было так естественно, что не последовать ее примеру было бы кощунством. Мы плыли рядом, мы ныряли, мы любили друг друга, легко держась за канат от буйка.

Утром она улетела в Москву.

А у меня авралы, комиссии, нехватка времени. А по ночам снится Верка, и жду неожиданного звонка.

Дождался.

- Седенький... я выхожу замуж за Арчила. Не сердись, Седенький, я тебя помню и люблю...

Конечно это должно было случиться. Конечно, ей нужен был восточный человек. Конечно. разница в возрасте...

Но от этих доводов легче не становилось. Я долго не мог прийти в себя.

Подозрения дома, проблемы на работе, и новое, досель не изведенное чувство – ревность... О, какая страшная зараза.

Он снова закурил. Долго молчал.

- И вы больше не встретились с ней?

- Через двенадцать лет, будучи в Москве, я отправился на метро в Сокольники. Нашел улицу, дом. Поднялся на третий этаж. Стою перед квартирой номер пять и не осмелюсь нажать на звонок. Слышу, поднимается лифт. Останавливается на третьем. Выходит оттуда сутулый мужчина в берете, с седой курчавой бородкой. В руках – сложенный в виде ящичка мольберт. Здоровается со мной.

- Вы к Анастасии Ивановне? Она после инсульта не передвигается, а племянница, что за ней смотрит, вышла в магазин за покупками. Я видел ее только что в очереди. Зайдемте ко мне и подождете.

Я зашел и уже в коридорчике увидел портрет Верочки в коричневом фартучке, с косой, перехваченной белым бантом. Черты до того знакомые, что дух перехватило. Художник заметил мой интерес.

- Вы и Веру Вениаминовну знаете?

- Знал

- Она сейчас в Израиле, с Ефимом и дочерью.

- А Арчил?

- Это был временный эпизод. А откуда вы так осведомлены?

- Вера Вениаминовна была у меня на практике под Одессой.

- О, так вы ее долго знали.

- Всего месяц.

- Вам повезло. Пойдемте в мастерскую, я согрею чайку, и выпьем винца за знакомство.

Пока он готовил на стол, я увидел на стенах тех самых женщин, о которых рассказывала Вера, и ее самоё, сидящую на плече в клеточку.

Когда мы выпили по фужеру вина, я спросил Художника:

- Когда вы вернулись из лагеря?

Он на секунду замер, а затем спокойно, улыбаясь, сказал:

- Значит, и вы узнали Веру Вениаминовну. Она прирожденная нимфетка.

Он уловил, что слово это для меня незнакомо “Лолита”.

- Понимаю - вы не читали роман Набокова, но это не суть важно. В русском языке достаточно других определений, например, рано созревшая

девочка, созданное для любви дитя, эротическая дива... Я отдал за ее страсть пятнадцать лет от звонка до звонка... и, знаете, не жалею.

- Вы ее видели после.

- Один раз и притом в том же возрасте, когда началась наша любовь.

- Как это понять?

Он снова наполнил фужеры.

- Эту квартиру я не потерял благодаря моей сестре. Она была здесь прописана, и поэтому никого не вселили, а она ее сдала своим знакомым. Хотя Верина бабушка писала разные доносы, но пронесло. Затем Анна Степановна попала под машину и погибла. Вера вскоре уехала в Тбилиси. Родила девочку. Когда развелась с грузином, приехала обратно к маме. Потом встретила Ефима, отличного скульптора, перебралась к нему, а дочку оставила на воспитание Анастасии Ивановне. И вот возвратился я домой, бритый, почти беззубый, смертельно уставший. Месяца два не выходил из мастерской. Сидел и смотрел на холсты. Сестра приносила есть, пить, а я смотрел на холсты, пока не отрасли волосы. Наконец, решил выйти за дверь. И первое, что я увидел на лестничной площадке – это мою Верочку, ту одиннадцатилетнюю нимфетку, красоточку, росшую не по дням, а по часам. Я застыл, как соляной столб. Я протер глаза. Я онемел.

- Дяденька, что с вами?

- Как... тебя зовут?

- Натэлла.

- Ты Веры Вениаминовны дочка.

- Да.

- Хочешь посмотреть на свою маму?

- А ее здесь нет.

- Не на живую, а на картине.

- Хочу.

И вижу то же любопытство, тот же не по годам интерес к мужчинам, хотя перед ней уже седой старик. Но, о, как я предвкушал после стольких лет унижения, насилия, воздержания, возможность все-таки дважды войти в одну и ту же...

Я не дал ему закончить фразу, схватил со стола бутылку и запустил в голову.. Не помню, как я вышел из мастерской, как добрался до метро, как

приехал на Киевский, ожидая, что вот-вот меня арестуют...

Рассказчик замолчал. Стал искать сигарету, не нашел.

Смял коробок и бросил в овраг.

- К сожалению, я не курящий, - извинился я, - а сегодня воскресенье, и половина двенадцатого ночи. Придется пойти в привокзальный буфет.

Он улыбнулся и пожал мне руку...

В тот же вечер я засел за сценарий “Московской Лолиты”...

УРНА С ПРАХОМ

У Янкла и Фрумы Киржнеров было четверо сыновей. Вот их судьбы. Старшие – близнецы Йося и Лева, только окончившие десятый класс – были мобилизованы и ушли на фронт. В январе сорок второго погибли.

Третий сын, Бузя, умер от тифа в сорок третьем в гетто, при румынах.

Дер мизинек – самый младший – Мойшеле, до войны окончил третий класс, во время оккупации продолжал заниматься с учителем математики из Бухареста, оказавшемся в гетто. После освобождения Красной Армией местечка, Мойшеле пошел сразу в пятый класс. Будучи круглым отличником, перескочил еще через класс. В сорок восьмом с золотой медалью окончил школу и поступил на физмат МГУ. Ему прочили большое будущее.

В день 8-го Марта, в общежитии, Миша стал очевидцем, как несколько подвыпивших старшекурсников, из-за девушки, избивали молодого парнишку.

Миша заступился.

- А ты, маланец, куда лезешь?

- Четверо на одного - нечестно, а за маланца – получи!

И ударил обидчика кулаком в нос. Потекла кровь.

На него набросились, повалили, избивали до полусмерти и скрылись. Парнишка вызвал скорую помощь.

Через два дня Миша скончался в больнице.

Шел сорок девятый год. В университете дело замяли. УВД Сталинского района столицы предложило труп убитого кремировать: уж слишком были видны на лице и теле следы побоев.

Янкл и Фрума получили на фирменном бланке трафаретное соболезнование в связи с кончиной сына, случившейся во время его участия в драке. Их просили приехать за урной с прахом.

Состарившиеся, больные и нищие Киржнеры пошли к ребе Каральнику за советом. Что делать, где добиваться правды о произошедшем? Они не могли представить себе, что их тихий, добрый Мойшеле мог кого-то ударить.

- Ничего вы не добьетесь, кроме забот на свои головы. Надо собрать деньги по местечку и отправить в Москву человека за прахом Мойшеле, – посоветовал Каральник.

Согласился поехать учитель математики Натан Моисеевич. Получив доверенность на свое имя, заверенную в сельсовете, он отправился в долгий путь.

Провинциал, никогда не бывавший в таком громадном городе, как Москва, Натан Моисеевич долго мыкался по разным инстанциям, пока, наконец, в его руках оказалась урна, похожая на спортивный кубок, с выгравированной табличкой:

“Киржнер М Я.
1929 – 1949”

Он завернул урну в припасенное старое полотенце и положил в вещмешок.

Уставший, изголодавшийся, он на трамвае, а затем на троллейбусе добрался до Киевского вокзала столицы и, предъявив удостоверение участника Великой отечественной войны, купил билет в общий вагон. Поезд уходил в 11 ночи.

Он успел на перроне перекусить двумя засохшими чебуреками и, с вещмешком за плечами, еле найдя местечко в переполненном вагоне, втиснулся четвертым на нижнюю полку. Положил на колени мешок, ухватился за него руками и провалился в сон.

Ему снилось: девятый “Б” класс, контрольная по алгебре. Он сидит за столом и наблюдает за учениками. “Первым, конечно, решит Киржнер, затем медлительный, но толковый Вася Билык, докопаются до правильного ответа Ханочка Мерлян, Резник Вова, Осик Бронштейн. Остальные ждут шпаргалок. Миша уже сидит без дела. Пытается передать сложенный вчетверо листок самой красивой девочке в школе Вале Камневой – я бы и сам так сделал.”

- Киржнер, ты закончил?
- Да, Натан Моисеевич.
- Положи контрольную и погуляй.

Тот нехотя встал и, проходя мимо Вали, опустил возле ее парты

скомканную бумажку. Опытный глаз учителя заметил это, но не стал делать а “геволт”.

Прозвучал звонок.

Поезд резко затормозил. Пассажиров качнуло. Натан Моисеевич вскочил:

- Мешок! Украли мешок!

Он бежал по вагону и кричал :

- Мешок, где мой мешок? Там ничего ценного нет! Там урна с пеплом! Отдайте, прошу вас!

Он был похож на сошедшего с ума. Ни кондукторша, ни соседи по купе ничего не видели.

Его усадили. Он обхватил голову руками и, качаясь, как при молитве, повторял:

- Все, я пропал! Я пропал! Что я скажу несчастным Якову и Фруме? Никто мне не поможет.

Подъезжая к Киеву, он вспомнил, что здесь живет его школьный друг и сокурсник по пединституту Володя Дьяченко. Ни телефона, ни адреса его он не имел, но знал, что тот работает в Политехе.

Натан Моисеевича провели к профессору Владимиру Афанасьевичу, и тот обхватил его громадными руками и крепко прижал к груди.

Выслушав горестный рассказ друга, он, подумав, сказал:

- Нюсик, есть только один выход. Заказать такую же урну и отвести старикам.

- Но это же обман!

- Да, это обман, но во имя добра.

- А пепел?

Владимир Афанасьевич задумался.

- Есть мысль. Может, и безумная, но искренняя.

Он подошел к шкафу и вынул книгу. Это был его учебник по высшей математике.

- Я подпишу тебе. Подписал бы и Мише, если бы он остался жив. Дома у меня на антресолях часть тиража. Сожжем несколько экземпляров в

камине и наполним урну. Книги тоже имеют душу.

Натан Моисеевич и Владимир Афанасьевич смотрели на огонь и молчали.

Языки пламени освещали их лица, и думали они об одном и том же – и каждый по-своему.

На следующий день Натан Моисеевич с рюкзаком за плечами, стоя у окна вагона уходящего поезда, видел уменьшающиеся две фигуры: Владимира Афанасьевича и его жены.

Старый учитель прослезился.

КРИК

У мальчиков-близнецов великана Арона Киршенбойма, председателя районного ОСОАВИАХИМа, были первые двухколесные велосипеды, первый приемник, первый настоящий кожаный футбольный мяч. Сонечку, миниатюрную красавицу жену, он одевал в крепдешины и меха. Ранние помидоры, огурцы, арбузы сразу попадали на стол к Киршенбоймам.

Друг к другу они обращались только “Сонечка” и “Арончик”.

“Идеальная семья!” - с восхищением говорили о них в местечке.

А когда после войны Арон, кавалер двух орденов Славы, стал заведовать местной пекарней, к белому хлебу в доме не хватало лишь птичьего молока. Ежегодно он отправлял Сонечку на курорты, а один раз они вместе попали даже за границу, в Болгарию.

Додик и Бусик с отличием окончили школу, и Арон повез их в Политехнический, в Киев. Он не уехал домой, пока не увидел фамилии детей в списках поступивших.

В том же году Сонечка родила девочку. И жизнь засияла по-новому. В благодарность Арон купил ей в Одессе колечко с бриллиантом в десять ... тонн пшеничной муки.

Но небо не всегда бывает безоблачным. Арон, возвращаясь на мотоцикле со склада “Заготзерно” после обильной выпивки, зарулил в глубокий яр и очнулся уже в больнице.

Его парализовало.

Сонечка и дети показывали его известным врачам, возили в грязелечебницы, к знахарям, но улучшений не наступало.

Арон нервничал, считал, что они жалеют деньги, требовал консилиум.

Опять рентгены, изнурительные перевозки, бессонные дни и ночи.

Его окончательно привезли домой, и Сонечка превратилась в терпеливую, внимательную сиделку, в нянечку, в сестру милосердия.

Арон лежал на чистой постели, ухоженный, не давая ни минуты покоя ни Соне, ни Нюсеньке, ни приезжавшим на каникулы сыновьям:

- Я работал, как вол, чтобы вас одеть, обуть, чтобы выучить вас, дать вам роскошную жизнь. И что же теперь? Когда я так пострадал, когда я превратился в кусок глины, вы ходите в кино, на танцы, на гульки. Вы не успеваете отойти от кровати и забываете про мои мучения. Сядьте и

сидите возле меня весь день, иначе я вас всех прокляну! Куда ты убегаешь, Нюся? Соня, верни ее! Я привяжу вас веревками к моим ногам, может, вам передастся моя боль, мои страдания! О, готеню, боже мой, так надо было так выкладываться, столько отдавать времени, рисковать, чтобы в пятьдесят лет уйти в землю, глядя как вы, здоровые, молодые живете и наслаждаетесь на ней. Нет, этого я не вынесу! Соня, “утку”! Чего так медленно? Отвернитесь. Или вам приятно смотреть...

Так повторялось изо дня в день. Сыновья, жалея маму, не могли дожидаться возвращения в институт. Девочка забивалась в угол и плакала, а Сонечка терпела, и отмалчивалась.

Ко всему Арон стал еще и ревновать ее.

- Где ты так долго была?
- В аптеке, где я еще могла быть?
- До аптеки от нас две минуты ходьбы, а тебя не было ровно сорок три.
- Я взяла слабительное, а Мирон Давидович спросил о тебе, так я не могла же сразу уйти.

- Этот старый фарцер давно положил на тебя глаз. Ты всегда была его симпатией, а теперь, когда я прикован и не могу ему оторвать голову, он пользуется этим. Но и ты хороша - вертишься перед ним, как сучка перед кобелем.

Казалось, это предел всему, но Сонечка выбегала на кухню, роняла голову на стол и рыдала, повторяя:

- За что, за что?

Так прошли четыре года.

Сонечка боялась признаться самой себе, но ждала уже смерти мужа.

Неожиданное кровоизлияние у Арона приблизило развязку. Агония длилась долго. В минуты просветления он открывал глаза полные гнева, ненависти и проклинал всех и вся.

Так он и ушел из этого мира с криком, обращенным к жене и детям, обступившим его:

- Ир золт брениен! Чтоб вы горели!

У Сонечки давно все охладело внутри, и она не проронила ни одной слезы. Дети ее обняли за плечи и молчали.

Похороны были с духовым оркестром от Дома офицеров. Памятник Сонечка поставила ему не хуже, чем ставят другим.

Но никогда больше не появлялась на могиле Арона.

ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЕ

У еврея из России, кроме общего, есть и свое летоисчисление.

Вот краткая история жизни Паперника Гирша Аврумовича, ровесника прошлого века, родившегося в черте оседлости, на Подолии.

В девятьсот пятом во время погрома убили дедушку Кисиила, отца Аврума и старшего брата Арона. Его ударили топором по голове. Кровь лилась, не переставая. Девятилетняя Миреле подбежала к нему. Ее тут же зарубили.

Гершеле остался за старшего. Мать взяла его из хедера и повела к шистеру Лазарю в ученики. Голова и руки были у мальчика на месте. Ловко орудуя шилом и дратвой, он стал к пятнадцати годам лучшим сапожником в Шпикове.

В 1918 петлюровцы вырезали больше половины евреев местечка, включая бабушку Гиту, мать Фейгу, дядю Мотла и его сыновей Нухима и Береле.

На следующий день Паперник ушел навстречу Красной Армии. Определили в санитарную роту. Прошел школу от медбрата до помощника хирурга.

После Гражданской – рабфак, затем Медицинский в Одессе. С этим городом связал свою жизнь: стал врачом, женился, там родился сын Абраша.

В тридцать седьмом Паперника посадили, как ”пособника сионизма”. Забрали и жену Любу. Мальчика определили в детдом. Всю эту “пьесу” состряпал сокурсник Любы по университету, Андрей Лавров, ставший энкаведистом, влюбленный в нее и рассчитывающий таким образом все-таки завоевать ее. Вел Любино “дело” его заместитель – явный садист и юдофоб.

Однажды Лавров появился на допросе, отослал ниже себя по рангу зама из кабинета.

- Я случайно узнал, что ты находишься у нас. Знаю и про мужа и сынишку.

Люба, чем я могу тебе помочь? Мне не безразлична твоя судьба.

Несчастливая женщина хотела поверить в его искренность.

Ее приводили к нему после полуночи. На столе были фрукты, шоколад, минеральная вода. Она ни разу не дотронулась ни к чему. Он был улыбочив, вежлив, предусмотрителен. Так продолжалось дней пять. Затем он сменил тактику. Принес от Абраши письмо. Она, заливаясь слезами, читала:

“Мамочка! У меня все хорошо. Я очень скучаю за тобой. Твой сын Абраша.”

- Вы видели его? Как он?

- Чудесный мальчик.

- Я могу с ним встретиться?

- Возможно, но ты несговорчива...

Он зашел за спинку стула, на котором она сидела, и попытался обнять ее за плечи.

Она резко отпрянула. Он вызвал дежурного, ее увели.

В камере, где ее держали одну, появилась соседка. Интеллигентная на вид блондинка, с мягким вкрадчивым голосом. Она стала выпрашивать Любу: за что сидит, что ей “шьют”, где семья?

Та так изголодалась по человеческому сочувствию, что рассказала ей все, как на духу.

- Люба-Любушка! Мужики хотят одно и то же, а этот твой еще и влюблен. Не насильничает. Отдайся ему, и ты себя спасешь и сынишку. Расслабься.

- Не могу, не могу.

- Сумеешь, если подумаешь, что дороже.

Ее снова стал допрашивать заместитель Лаврова. День за днем издевался все больше, грубил, бил по рукам и ногам резиновой палкой, добиваясь признаний в заговоре, в шпионаже, в связях с иностранной разведкой. Не спавшая по несколько суток подряд, сломленная, она соглашалась все подписать, лишь бы закончился этот кошмар.

В первомайскую ночь ее вызвали на допрос. В кабинете, развалившись в кресле сидел Лавров. После вечеринки он был в стельку пьян. Не успели привести Любу, как он набросился на нее, стал обнимать, целовать, повалил

на диван и стал ее домогаться. Она из всех оставшихся сил отбросила его. Он упал на пол, разбросав ноги и руки. Люба метнулась к раскрытому окну и выбросилась вниз.

В мае сорок первого Паперника выпустили. Навестил Одессу. Считал, что Люба еще в лагере. Сына найти не удалось.

С “волчьим” паспортом устроиться нигде не мог.

Гирш Аврумович стал лишним в этом городе.

В начале июня поехал в местечко. На кладбище паслись коровы и козы. В местной больнице взяли временно замещать фельдшера, ушедшую в декретный отпуск. Вскоре началась война. В конце июля в местечке были уже немцы. Образовали гетто. Пытался выбраться из него. В сентябре, за день до полного уничтожения евреев Шпикова, он ночью сумел скрыться в поле, в высокой, густой кукурузе. Пересидел там сутки. Утром он слышал пулеметные очереди со стороны обрыва за школьным садом. Первый порыв - примкнуть к своим, но что это даст? Через день огородами двинулся к лесу.

В деревне Ксендзовка его выдали полицаю, тот повел его под дулом винтовки в гетто. По дороге он узнал, кого ведет. Оказалось, в Гражданскую, они служили в одном полку, и Григорий Абрамович – запомнил он имя хирурга – спас ему жизнь. Полицай дал ему немного денег и сказал: “Уходи! Уходи лесом до станции Рахны. А там просись на локомотив. Может, спасешься.” Паперник ушел, не оборачиваясь, и все же ждал выстрела в спину. Он прозвучал. Когда оглянулся – увидел уходящего. Стрелял для отвода глаз.

Паперник долго добирался до отступающей армии и только в начале сорок второго настиг ее. Попал в СМЕРШ. Терять ему было нечего. Он проявлял безумную смелость и мстил. Был омечен медалью “За отвагу”.

В Одессе господствовали румыны, на первый взгляд казавшиеся более мягкими, чем немцы, но в конце концов уничтожившие всех оставшихся в городе “жиданов”.

Во время первых бомбежек Одессы многие детдомовцы разбежались, кто куда. Абраша нашел дом, где они жили до войны. Квартира их была занята чужими людьми, и он, уже имея опыт за плечами, был осторожен.

Вспомнил о маминой подруге Надежде Валерьяновне и нашел подъезд, в котором она жила, и двери на втором этаже, где была прибитая стершаяся старая – дореволюционная – табличка с ятями “Профессор Валериан Антонович Великанов”. Ему открыла двери тетя Надя и быстро затянула в коридор.

Тяжело раненный в бою. Паперник попал в госпиталь, под Саратов. Там он начал записывать в тетрадь короткие рассказы о лагере и войне. За восемь месяцев, проведенных в таких “благоприятных” условиях, он написал пятьдесят четыре новеллы.

Помня обрывки иврита, он поймал себя на мысли, что пятьдесят четыре – это трижды по восемнадцать – хай, что буквенно означает “жизнь”.

В то время в Одессе шли последние зачистки, и Абрашу увидел на улице водопроводчик Николай и узнал в нем жиденка. Он уже получал за них вознаграждения.

Привел жандарма, и тот забрал Абрашу в сигуранцу. Оттуда его отправили в Доманевку на явную гибель.

Надежда Валерьяновна слегла: она считала себя виновной, что не доглядела мальчика.

Одессу освободили в апреле сорок четвертого. Гирш Паперник на костылях, в солдатской шинели стоял у знакомой таблички. Тихо постучал. Надежда Валерьяновна долго возилась с замком. Увидев ее лицо, Паперник все понял.

Она непустила его искать прибежище.

Прочитав его тетрадь от начала до конца, она была потрясена. “ Это – настоящая литература, Гирш! Но она должна дождаться своего времени.”

Она перепечатала на машинке новеллы – два экземпляра под копирку – и спрятала у себя. Тетрадку отдала близкой подруге на сохранение.

В сорок девятом, во время кампании борьбы с “безродными космополитами”, муж подруги добровольно отнес в НКВД тетрадку.

Подруга примчалась к Надежде Валерьяновне и предупредила ее. Перенесли печатную машинку и два экземпляра к ученице профессора Великанова Эсфири Мироновне, жене генерала, своенравной, оригинальной даме, страстно любимой мужем.

Паперник получил четыре года. Из-за инвалидности использовали в лагере санитаром.

Дописывал в уме новые новеллы, правил старые.

Шепотом рассказывал их соседу по нарам, хромоту библиотекарю Якову Квитко, родному племяннику известного детского поэта.

Однажды тот сообщил ему, что 12 августа его дядю и большую часть еврейских писателей, актера Зускина, и других расстреляли.

Гирш подумал: “Еще крепче закручивают гайки. Не выдала ли генеральша Надю?”

В январе пятьдесят третьего, в связи с “делом врачей-вредителей”, его тут же перевели и приставили к бочке с нечистотами. После смерти Сталина освободили.

Почти ослепший, вернулся к Надежде Валерьяновне.

Они дождались эмиграции. Оформили брак. И первыми ласточками, претерпев унижения в ОВИРе, в ЖЭКе, на таможне отбыли в Израиль.

Здоровье Паперника было подорвано. Готовилось издание книги. Он успел ее “увидеть” только руками. Затем ее перевели на иврит, на английский, итальянский, французский. На немецкий автор переводить запретил.

Название книги – “Трижды жизнь”.

ЭР РЭТ АФ ИДИШ

Мои фамилия, имя и отчество: Срулевич, Моисей Юделевич.

Представляете, как это звучит для русского уха? И особенно, если ты после школы попадаешь в погранвойска. Единственный еврейский юноша на весь округ. При переключке фамилия вызывала взрыв смеха.

Старшина Войтенко выговаривал строю, что нехорошо смеяться над фамилией солдата... Срулевича (смех перерастал в гогот), и с удовольствием повторял её снова (гомерический хохот).

Значительно позже я понял, почему меня с пятым пунктом призвали служить в ведомство КГБ: в 18 лет я имел 187 роста и 90 веса.

Загремел бы я в какую-то Коми АССР охранником в лагерь.

Спасло чистописание. Я был прирождённым каллиграфом. Вот такое редкое сочетание «Дяди Стёпы» и «Графа Мышкина». И тут я был на расхват. Оформлял красные уголки, выписывал удостоверения, грамоты...

Вскоре перевели меня из Измаила в Одессу. Писал адреса в обком, в Киев, и даже лично Андропову по случаю его шестидесятилетия.

Одесса! Почти три года беззаботной и неповторимой, уже потом, жизни. Оставалось время и на море, и на танцы в парке Шевченко, и на театры, особенно оперетту. В те годы был взлёт славы Михаила Водяного.

А теперь – к чему веду рассказ.

Читаю на афишных тумбах: «Певица Нехам Лившицайте. Еврейские песни». Мне, племяннику дяди Эзры Шварца, кантора нашей Джуриной синагоги, да не пойти? Когда ещё выпадет такой шанс?

Отправляюсь за несколько дней до начала гастролей за билетом, а они все проданы. Пришлось попросить моего начальника посодействовать.

- Заговорила родная кровь, Срулевич?

- Давно не слышал ничего на еврейском.

Позвонил он в филармонию. Представляю, какой там стоял переполох.

Билет, при том бесплатный, в центре первого ряда, ждал меня в кассе.

Выгладил я свою синюю форму (костюма ведь у меня не было), начистил до блеска ботинки, надраил на фуражке кокарду и отправился на концерт.

Такое собрание евреев я увидел впервые. И каких евреев!

Музыкантов в бабочках, художников с длинными волосами, старых

меломанов с аккуратно подстриженными бородками.

А женщины!

Я среди всех выглядел «синей вороной». Но передо мной расступались, шушукались за спиной, вымученно улыбались.

Соседка слева, дородная мадам, с пенсне на носу, застыла, когда я сел рядом, и косила глазами не переставая.

Сосед справа, старичок, опирался на палку с набалдашником в виде льва и раскланивался со многими: «Здгавствуйте, добгый вечег, добгого здоговъечка!». Все обращались к нему: «Доктор Циклис!», а завидя меня рядом, быстро-быстро ретировались.

Он же, подняв высоко голову, смотрел на меня с удивлением.

Моё присутствие создало напряжённую атмосферу в зале.

До меня доносилось:

- В зале кагебэшник!

- Он следит за доктором Циклисом.

Все взоры были обращены на меня. Я почувствовал себя ништ гит.

Как разрядить обстановку? Не могу же я встать и сказать им, что я такой же еврей, как и вы, что я помню до сих пор песни на идиш, что я пришёл насладиться музыкой.

Я попросил у соседки программку. Она неохотно протянула её мне.

Я стал читать вслух: «Варнычкес», «Ломир зих ибербейтн», «Шир а гаширим»...

- Ир рэт аф идиш?

- Авадэ, конечно.

- Эр из аид, эр рэт аф идиш! – крикнула она, вставая.

По залу от первого до последнего ряда прошла волна:

- Эр рэт аф идиш!

.... Нехама Лившицайте была на высоте в ударе. Пела она замечательно. Чистый голос, великолепное произношение, выразительные руки!

В перерыве меня затащили в буфет и накормили досыта – «голодненького, бедненького еврейского солдатака».

После концерта доктор Циклис повёл меня с собой за кулисы и представил певице. На сцене она казалась мне высокой, а здесь- красавица-подросток. Я попросил надписать открытку.

- Впервые вместо показаний, даю «чекисту» автограф. Такое бывает норин Адес, - пошутила она.

Полковник Булыгин спросил меня на следующий день:

- Ну, как тебе «Варнычкес»?

- Вкусные, товарищ полковник!

- Наши там были. Отчёт имею. А что она написала тебе на открытке?

- «На добрую память, с любовью. Нехама».

- Красавец (с ударением на последний слог), иди, пиши поздравление Щербицкому с присвоением ему звания Героя Социалистического Труда.

Такая была мелиха!

ЛЮБОВЬ И МЕСТО

Чехов, где-то обронил: “Для любви требуется комната”.

У нас, у послевоенного поколения, не было не то что комнаты, но и угла своего, чтобы в холодный зимний вечер, или в осеннюю дождливую погоду, привести к себе подругу и побыть наедине.

Мы укрывались в подъездах, на лестничных клетках, чердачных помещениях.

Летом, трава в парках, служила нам местом, над которым неожиданно возникала фигура милиционера с фонариком в руке, давно наблюдавшим за влюбленными.

Можно было закрыться после вечерних занятий в аудитории, подкупив дежурных трешкой, если она была, на бутылку водки.

Мы были молоды и непритязательны.

“Снежная” любовь

Мне шел шестнадцатый год. Я занимался в речном техникуме в городе Г.

Жил в общежитии. Самый младший среди хлопцев, отслуживших уже в армии, чаще всего на флоте, и единственный еврейский мальчишка.

Ко мне присматривались. Но когда в нашей шестикоечной комнате я выложил на стол содержимое посылки, только что полученной из дому - я стал своим. Меня похлопывали по плечу, поедая коржики с маком, гусинные шкварки с ситным хлебом, сливовое варенье.

Мамина посылка принесла мне удачу и в любви.

Заполняя извещение на почте, я почувствовал на себе взгляд.

За этим же столом, напротив, сочиняла телеграмму пунцовая девушка в беличьей шубке. От нее пахло молоком.

Я спросил ее:

- У вас маленький ребенок?

Она зарделась еще больше и ответила:

- Ты догадливый мальчик.

“Догадливый” - обрадовал, а “мальчик” - смутил.

Высокий не по годам, с курчавой шапкой волос, с пробивающимися уже усиками над губой, я выглядел старше, чем был на самом деле.

- Сколько тебе лет?
- ... семнадцать.
- А мне девятнадцать.
- Небольшая разница.

Это ей понравилось.

Звали ее Фрида, муж работал на заводе, жили они с мамой у Большого базара.

Я рассказал, что готовят нас для работы в речных портах, но мне уже сейчас не нравится торчать за чертежной доской и мечтаю стать актером.

Я даже устроился в местный театр статистом. По вечерам выхожу в “Константине Заслонове” - партизаном. Пригласил ее на спектакль. Пишу стихи. Напечатали два стихотворения в “Сожской правде”. Получил гонорар больший, чем стипендия.

Вынул из портфеля газету и подарил ей.

- Я сразу поняла, что ты необычный... юноша. Хочешь меня еще раз увидеть?

- Хочу.

- По пятницам, как сегодня, у меня банный день. Приходи к стадиону, напротив. Знаешь, где это?

- Знаю. В этой бане санпропускник.

- Вот и хорошо.

Пятницу ждал, как Робинзон Крузо.

Пришел я намного раньше. На стадионе ворота были полуоткрыты. Снег был высокий, но кто-то в валенках протоптал дорогу к трибунам.

Я невольно посмотрел на свои летние туфли.

Наконец я увидел Фридину беличьей шубкой. Голова ее была обвязана шерстяным платком. Она протянула мне руку в варежке, и я вложил в нее четыре холодные “сосиски”.

- Я утром уже здесь была. Пойдем, там в кассе есть уютное местечко.

Мы уединились. Она вынула из сумки, что-то завернутое в бумагу.

- Угощайся - это мамин лейкех.

Я поблагодарил и быстро справился с ним.

Она расстегнула шубку:

- Согревайся.

Я прижался к ней. Почувствовал большие тугие груди. Теперь я дрожал не только от холода, но и от возбуждения. Мой “огурец” уперся в ее междуножье. Она почувствовала это.

- Ты не хочешь попить свежее молоко? Оно распирает меня.

Я растерялся. Я еще не знал, что таким образом одного голодного библейского старца дочь накормила своим молоком. Фрида отстегнула лиф и вынула грудь. Я не успел к ней притронуться губами, как брызнуло молоко. На ее лице просияла улыбка. Когда я облегчил ей обе груди, она быстро прикрыла их, чтоб не простудить, и стала покрывать меня поцелуями, зашептав:

- Я хочу тебя отблагодарить.

И, присела на корточки. Я не знал еще, как это должно произойти, но она так искусно это совершила, что, когда я взорвался у нее между пухлыми губами и, огласил стадион ревом счастливого зверя, все кончилось. Я в короткое время познал такое, что, не случись этого, мог не познать никогда.

Еще шесть недель повторялась “снежная” любовь. Я пропускал занятия, я похудел, но жаждал снова и снова испытать эту сладчайшую боль.

Фрида боялась простуды и переселила меня к своей соседке тете Саре. Когда та с утра уходила на базар торговать жареными семечками, Фрида прибегала ко мне в постель, и я познал “Камасутру” раньше, чем о ней прочитал в книгах.

В одну из суббот она пригласила меня на обед. Представила маме и мужу как Сарыного квартиранта, “а идишн бохер из Винницы”. Муж ее, Фима, оказался симпатичным мужчиной, лет тридцати, простоватым и добрым. Он следил, чтобы моя рюмочка не была сухой и подливал в нее вишневую наливку. Заставил выпить на “брудершафт”, чокался со мной, расплываясь в улыбке.

“Неужели он ничего не подозревает?”

Фрида оказалась настоящей актрисой - не выдала себя ни одним движением.

А я уже решил, что больше никогда не буду с ней близким. Это было

ошибкой - познакомить меня с мужем, отцом моего “молочного” братика.

На следующий день я рассчитался с хозяйкой, собрал свой чемодан с книгами и пришел к Семену и Лидии Голосовкерам - литсотрудникам газеты, давно приглашавшим меня поселиться у них.

Тамбурная любовь

Окончив первый курс, я отправился домой на летние каникулы.

Приобрел у ребят фуражку с крабом, тельняшку, брюки клеш и вошел в общий вагон пассажирского поезда Минск - Киев, как бравый молодой моряк.

Места все были заняты. На нижних полках сидели по четыре человека. Я забросил на верхотуру мои пожитки и стал у окна.

Когда паровоз дал свисток к отправлению, я увидел, как молодая крестьянка с большой соломенной кошелкой в руке, и седая старуха с ней, успели подсесть в наш вагон. Они остановились в проходе, возле меня.

- Мама, ты постой здесь, а я пойду посмотрю дальше. нет ли свободного места.

У старухи на глазах были два белых бельма.

- Не ходите - все забито. Попросим кого-нибудь потесниться. Товарищи пассажиры! Здесь стоит слепая женщина, может, кто-то уступит ей место?

Никто не взглянул, не поднялся, не ответил. С краю сидел здоровый детина, упирающийся головой в верхнюю полку.

- Парень, послушай, вместо нее могла оказаться твоя бабушка, понимаешь, уступи место.

- А чего этот жидок командует тут?

Я и растерялся, и вскипел. Ударил его козырьком фуражки в лицо.

Он полез в драку. Пара мужиков удержали его :

- Морячок прав. Успокойся. Садись, мать.

Я поблагодарил их. Обстановка разрядилась. Дочка вынула из кошелки банку с вишнями и высыпала их на стол, застелив его предварительно чистой белой тряпкой.

- А тебя, хороший мой, награждаю... - и полезла в кошелку...

- Поцелуем! - подхватил старичок.

... яблоком наливным ... и поцелуем.

Я покраснел и почувствовал на щеке мягкие горячие губы.

Потеплевшее купе выставило рядом с вишнями жареную курицу, вареные яйца, хлеб, сало, бутылку самогона, и начался пир.

Все поддержали дочерний тост “за успешную операцию, что предстоит маме!”

Моим вкладом в ту вечеринку были стихи. Я читал Есенина, Щипачева, Симонова, Люди внимательно слушали. Под конец осмелился и свое прочесть, недавно написанное:

Иногда тоскую я по дому,
Часто вижу я его во сне,
Что привычно было и знакомо,
Стало ближе и роднее мне,
И кривые улочки, и речка,
Небосвод над полем голубой.
Я не думал, старое местечко,
Что я увезу тебя с собой.

Предстояла томительная ночь, и пассажиры стали готовиться ко сну.

Я вышел в тамбур. На душе было радостно. Сбоку у двери было прикреплено приставное сиденье. Я присел на него. Наступила полночь.

Я, должно быть, задремал. Почувствовал руку на плече. Вскочил.

- Родненький, нас устроил, а сам...

- Нормально...

Мы стали у окна.

- Почитай еще что-то.

И я читал все, что помнил наизусть. Импровизировал. Напевал песенки из шедшего тогда на экранах португальского фильма “Возраст любви” с Лолитой Торес.

Пошли объятия, поцелуи.

Заскочил солдат с девчонкой:

- Не будем мешать флоту!
И прошли дальше искать свободный тамбур.
А нам он стал местом любви и взаимной радости.

В Киеве на привокзальной площади, я узнал, как добираться в больницу
и посадил Алесю с мамой на трамвай.

Она стояла у окна, и по щекам ее текли слезы.
Через час отходил мой поезд.
Дома меня ждала мама.

Буйная любовь

Я не стал речным портовым служащим.
Меня привлек другой портовый город - Одесса.
Мечта моя сбылась. Я поступил в театральное училище.
А кроме этого - море!

Весь сентябрь и половину октября я наслаждался им. Заплывал далеко,
а возвращаясь, отдыхал у буйка, держась за толстый пеньковый канат.

В один из таких дней, уставший, лежа на спине и глядя на закатное
солнце, я услышал рядом:

- Помогите...

К буйку, выбиваясь из сил, плыла девушка. Я протянул ей руку и
подтянул к себе.

Она обхватила меня ногами и застыла. Худенькая, светленькая,
синеглазая, чуть не плача, тяжело дыша, она, не отпуская меня,
прошептала:

- Спасибо...

Ее бил озноб.

Я прижал ее поближе.

- Теперь вы в безопасности.

Мы познакомились. Она приехала из Ярославля на просмотр артисток
балета в Оперный.

- Посмотрите, парус!

Я обернулся.

- Это рыбацкая шаланда.

По рыбам, по звездам пронесит шаланду:
Три грека в Одессу везут контрабанду.
На правом борту, что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки, Папа Сатырос.
А ветер как гикнет, как мимо просвищет,
Как двинет барашком под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели, чтоб мачта гудела:
- Доброе дело! Хорошее дело!
Чтоб звезды обрызгали груду наживы:
Коньяк, чулки и презервативы ...
Ай, греческий парус!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!
Вор на воре...

- Кто это написал?

- Багрицкий.

Я сел на своего конька. Читал стихи, стихи, стихи..
Она меня обняла. Мы целовались, не переставая. Мы прижались друг к другу. Мы почувствовали близость оголенных тел и..
Оказалось, что в воде это естественнее, приятнее, романтичнее.

Наступили сумерки. Мы поплыли к берегу.
Ни ее, ни моей одежды и обуви там не было.
Мы слишком увлеклись и забыли, что мы на одесском пляже.
Прав был Багрицкий.
Инга снимала в Аркадии каморку с еще одной “дикаркой”,
Екатериной.
Мы быстрым шагом направились туда. Ее напарница уже забеспокоилась и долго хохотала, узнав про кражу.
Меня облачили в женский халат. Я в знак благодарности сочинил экспромт:

Я возмущен, я в раже
Нас обокрали на этом пляже.
Спасибо, Инга! Спасибо Кате -
Я убегаю в ее халате.

Инга проводила меня на трамвай. Прыгнув на подножку я услышал, как в кармане халата звякнула мелочь.

На следующий день, после занятий, завернув в халат торт “Отелло”, я поехал в “Аркадию”. На двери каморки висел замок. В него была вложена записка.

“Конкурс не выдержала. Поезд отправляется в 11 утра. Завтра вечером, в Ярославле, я танцую в “Золушке”. Спасибо за Багрицкого! ... “

И несколько раз перечеркнуто что-то, а в конце - адрес владелицы халата.

Я отправил его вместе с тортом вдогонку - посылкой.

ТРУП

- Миня завут Самвел Касиашвили. Тибэ эта ничево не гаварит? Значит, ты не масквич! Миня в Маскве всэ знали. У миня в “Мэтраполе” свой стол был. Кто би не прихадил - гаварили “Заказан”. Ждали пака я не прийду. А я мог с друзьями заявиться за полночь. Я к чэму все эта тибэ рассказываю? Нильзя труп чэлавека абижать. Вот ты написал пра “Сталин в грабу”, да - харашо написал, красивыми словами, но абидел. За такое дэло срок дают. Ты улыбаешься. Паслушай адну нэабычную, но стопрацентно правдивую ысторию и паймешь пачэму.

Нас било три таварища, дажи родственники немного, из Сухуми. На “Центральном” рынке в Маскве - всэ абрикосы, памидоры, хурма, кишмиш, апэльсины, мандарины - били наши.

Ми сябя чувствовали в сталице, как прэдставители другого гасударства. Дэнги, дарагой, дэлали всо. И вот аднажды после випивки, абильной еды, бэлакурых масквичек Арчил пачувствовал сябя плохо: “Вай, сэрдцэ!” - и... умэр. На наших глазах, на наших руках. Трагэдия. В Сухими мама, папа, сестренки. Стали искать цинковый гроб и представляешь, впэрвые в жизни нэ можэм дастать, дажи за балшие дэнги. Гаварят: Андропов, Авганистан, нацианальное ымущество. И я, Самвэл Кисиашвили растэрлся. Паследний шанс - закупить самалет и атвезти Арчила - сарвался. Ту - 104 дастали, а труп бэз “цинка” всо жэ нэ прапустили. Астался поезд “Масква - Сухуми”, спальный вагон. Закупили купэ, и я с Гоги адели Арчила в новый чешский кастюм, напялили на голову шляпу и, взяв пад мышки, притащили к вагону. Праваднику гаварим, таварищ мол випил лишнэе, да Сухуми праспится, и всунули ему бутылку каньяка.

В купэ мы пасадили Арчила на нижнюю койку, накрыли столик газэтой, палажили на нее руки и голову, как будто заснул за чтэнием “Правды” чэлабек. Эта я тибэ так легко рассказываю, а нам с Гоги тогда на душэ кошки скрэбли. Едэм час, два, жарко, труп, кажэтся, стал папахивать. Закрыли мы купэ и пашли в вагон-рэсторан. Ну пасидели нэсколько врэмени, чэго спэшить абратно и сматреть на мертвае тэло нашего любимаго, родного друга, вэд всэ мэста аплачены. Возвращаемся, аткрываем двэри, а там... Арчила нэт, и на вэрхнэй полке лэжит пассажир. Мы его стянули и кричим:

“Гдэ труп?”. Мужик растерялся, трясется, зуб на зуб нэ падаает и еле выдавил из сэбя: “ В акно выбросил”.

Я пабежал в тамбур и патянул вниз стоп-кран. Поезд рэзко астановился. Пэрэпалох, шум, крик. Мылиция прыбежала. Так и так, гаварю, этат чэлавек выбросил в акно Арчила Арсэнашвили. “Правда эта?” - спрашивают таго. “Да” - отвечает тот и еле дышит. Памчались мылицианеры па рэльсам в абратную сторону и нашли труп Арчила в пяти километрах от астановившегося лакаматива. Пассажира арэстовали, нас с трупом даставили на ближайшую станцию. Саставили пратакол и, как паложено па закону, даставили тэло Арчила в цинковам грабу и атправили к радителям.

Патом на суде выяснилось слэдующее. Когда мы сидэли с Гоги в рэсторане, на астановке в Харкове падашел к нашему вагону чэлавек и стал праситься праехать “зайцем” до Сухуми, за двайную аплату билэта. Правадник спэрва атказывался, а патом саблазнился дэнгами и правел его на свабодное мэсто.

Тот зашел в купэ, видит прикорнувшего за газэтой чэлавека, попытался паздароваться но бэзрэзултатно и поставил свой балшой чэмадан на вэрхнюю полку, гатовясь забросить его аттуда в нишу. В эта время поезд тронулся, нэожиданно затормозил, и чэмадан упал на голову “спящего”, как подумал новый пассажир. Тэло Арчила мэдленно сползло на пол купэ, и мужик увидел, что тот мертв. Нэ зная, что кто-то сопровождал “убитого” им чэловека и боясь атвэтствэнности, он решил выбросить труп в акно. Ужэ вэчэрело. И когда поезд праезжал мима лесистой мэстности, он сдэлал эта.

Канэшно, мы рассказали всу правду. И суд вынес рэшение: за срыв стоп-крана с меня взяли 100 рублей за нэзаконный провоз трупа меня и Гоги оштрафовали па 200 рублей каждого, правадника за взятку асудили на шесть месяцев турмы, а таго глупаво пассажира за аскарбление трупа пасадили на два года в трудавую исправителную калонию.

Вот такая ыстория, уважаемый писател.

МЕЙКАП-КАП-КАП...

Когда в Одессе, появились первые бассейны общего пользования, мы с мужем решили “полакомиться” этим “блюдом” с голубой каемочкой.

Как все у нас: “хотели как лучше, а получилось как всегда”.

- Во первых, очередь.

- Выстояли.

Во-вторых, на пустых шкафчиках для вещей замочки сломаны.

Дождались освободившиеся.

Пока я переодевалась и приводила в порядок прическу, муж уже был в воде. Не успела я подойти к лесенке и опустить ногу в бассейн, как раздался свисток:

- Гражданка! А вы душ приняли? - кричит мне дежурная на вышке, сидящая на двух табуретках сразу.

- Нет.

- Вы что, читать не умеете? “Без душа - вход запрещен!”

- Извините.

- Деревня, - услышала я уже в спину.

В женскую душевую - очередь.

Выстояла.

Проходя мимо вышки, махнула рукой “слонихе”, как я прозвала ее про себя.

Не успела я взяться за поручни лесенки - свисток.

- Гражданка! Вы совсем безгрозная! А краску с лица смыть, что, забыли? Это же химикаты! Хотите нам отравить людей?

Мне уже не хотелось в бассейн, не хотелось слышать этот голос бандерши, но и сдаваться на милость хамству тоже не хотелось.

Пошла я снова под душ “Шарко”, как я его прозвала про себя. и тщательно смыла мейкап.

Теперь уже проходя мимо этой “мадам Душкиной”, я даже не посмотрела в ее сторону.

Но что такое? Весь бассейн застыл. Особенно - мужчины, Смотрят на меня, открыв рты, перестав плавать.

Неужели без накрашенных губ и подведенных глаз я стала так уродливо выглядеть?

Муж выскочил из воды, как ошпаренный.

- Дура! Посмотри на себя!

Я посмотрела и ... схватила себя за голову. Я стояла перед довольной публикой в одной резиновой шапочке, усыпанной цветочками.. Купальник остался в душевой.

Эта “Извергиль” достала все же меня.

ДЕВОЧКА В РАМЕ

Н. З. - посвящаю.

Я была дурнушкой. Так обычно называют толстушек, коротконожек, бесфигурных в одной упаковке. Единственное, что у меня были еврейские глаза! Две сливы, две черешни, две оливы с сияющими звездочками посередине!

Влюблялась я только в старшекласников - белокурых высоких красавцев. Чаще всего они не обращали на меня никакого внимания.

В ту осень моей страстью был Валерий Стрижевский. Капитан волейбольной команды школы, лучший прыгун в высоту, гитарист с длинной поэтической прической! У него была привычка отбрасывать волосы резким движением головы. Я млела! А когда драматический кружок решил отметить юбилей Тургенева, руководительница – наша русачка – пригласила на главную роль Валерку. Я тут же напросилась в статистки.

Литературная композиция состояла из переписки писателя с его возлюбленной Полиной Виардо и частью из “Стихотворений в прозе”. Действие происходило в кабинете Тургенева, и Юлия Борисовна хотела, чтобы за креслом на стене висел портрет певицы. Стали приносить из дома старинные картины одесских дворянских красавиц в резных дорогих рамах. Сравнивали с лицом француженки, и ничего не подошло. И вдруг Юлечка посадила меня на краешек парты, тремя-четырьмя шпильками заколола мои длинные, вьющиеся волосы, а две тоненькие струйки оставила на висках – и все ахнули: я была вылитая Виардо. И решение было принято: мне сошьют модное по тем временам платье, посадят на венский стул, который принесет Танечка Бокий, впереди будет установлена большая лепная рама, а я на протяжении всего спектакля буду в ней сидеть. Я не поверила моему счастью! Быть рядом с Валеркой Стрижевским час, а может и больше! Быть его пассией!

Пошли в ход шуточки: “А если она захочет чихнуть?”, “А вдруг ногой пошевелит?” “А если... а если...?” “Всё – я пропала!” И крикнула: “Я буду, как каменная, я замру, я выдержу сколько надо!” Смех покрыл аудиторию.

Репетировали дружно, с азартом, а я привыкала к своему месту.

Когда Валерке приклеили усы и бороду, он стал похож на русского аристократа и, конечно, на Тургенева. Я не сводила с него глаз.

На премьеру собралась вся школа. Волнение было огромное.

Когда открылся занавес и зазвучала музыка из “Времен года” Чайковского, возникли первые аплодисменты, и они в какой-то мере относились ко мне.

Все шло отлично. И вдруг, когда писатель, по мизансцене, “устал и вздремнул” за столом—должна была зазвучать запись романса в исполнении самой Виардо, но заело пластинку. Возникла пауза.

Меня осенило: я встала со стула, аккуратно перешагнула через раму, подошла к якобы “заснувшему Тургеневу”, дотронулась слегка к его плечу и прошептала на весь зал: “Я люблю вас, Жано!” – так она называла Ивана Сергеевича на французский манер... и медленно вернулась на место. Валерка опешил, “проснулся” и подошел к портрету. Я элегантно протянула ему руку и... он вынужден был поцеловать ее зло прошептав:

“Ух, жи-и-идовочка!”

Гром аплодисментов грянул в ответ.

Когда закрылся занавес, я убежала в кулису и заплакала.

Стали вызывать актеров, Юлия Борисовна вышла с ними на авансцену. Зрители заскандировали: “Ви-ардо-о! Ви-ардо-о-о!” Юлечка нашла меня, ничего не заметила или подумала, что девочка от волнения всплакнула, и я присоединилась ко всем.

Грянул новый гром аплодисментов, или, как любил повторять в таких случаях мой дядя Люсик Черняк, военный летчик, бомбивший Берлин, “грянул гром аплодисментов, переходящих в авиацию”.

Я дала себе слово никому не рассказывать, какую травму нанес мне красавчик Стрижевский. Я мгновенно повзрослела.

Вся ушла в учебу. Окончила школу с серебряной медалью.

Поступила в университет. Перед отъездом в Америку даже успела защитить кандидатскую. Зачем? Доказать. Кому? Себе самой.

Выходя из ОВИРа (заносила очередную справку), столкнулась лицом к лицу со Стрижевским. После спектакля я его просто не замечала, а тут он

вдруг полез обниматься. Я отпрянула

- Привет, Виардо! Узнал, ты уезжаешь.

- Уезжаю.

- Возьми меня с собой, я ведь тебе еще нравлюсь.

От него несло перегаром. Был в помятом костюме, но еще довольно красив.

- Виардо, осуществится твоя мечта, и мы будем вместе.

- А ты знаешь, почему я уезжаю?

- Интересно.

- Чтоб быть подальше от таких как ты.

Ушла не оглядываясь.

В спину шепот:

- Ух...

СПЕЛИНГ

- Маня, Манечка, слушай сюда. Я теперь тебе проспелаю, ну, продиктую мой адрес, и ты обязательно вышли мне письмо с фотографиями.

Я хочу посмотреть, как вы все изменились. Шутка сказать: не видетсяя сорок семь лет. Мы же сидели на одной парте, наши дома были на одной улочке. Правда, когда ты осталась в четвертом классе на второй год, я стала дружить с Хаюсей Бромберг, ты не знаешь ее судьбу? Она, как и вы, дождалась до последнего, а теперь попасть в Америку не так просто. Да, значит, здесь на конверте сперва пишется имя, а потом фамилия. Ты, надеюсь, не забыла, что меня звали Нехамма в честь моего дедушки Нухема, а потом на работе, в Одессе, я стала Нелей Михайловной, и в Чикаго я снова возвратилась к моему еврейскому началу, это даже модно. Так вот, первая буква “эн”. Не “э”, а “эн,” ну, по-русски “ны”. Так начинается “нэкейва”. Ты забыла, что это значит? А “курвэ”. Нет, не “к” должно быть первым, а “эн”. Как пишется? Как русское “и”, но перегородочка сверху вниз от первой палочки. Написала? Теперь вторая буква “е” - точно так, как и по-русски. У нас уже есть “Не”. “Х”- отдельной буквы у них нет. Ее пишут из двух: “си” и “эйч”. Си как русское “эс”. Маня, ты плохо слышишь, я сказала “эс”, но это не значит “э”, а “эс”.

“Стерва” начинается с “эс”. Написала? Не пиши стерва полностью а только первое “си”. Теперь идет “эйч”. Забудь про “э”. Напиши русское “пэ”, С “пэ” “проститутка” начинается, и продли первую палочку вверх. Вейз мир, Маня, это мы только написали половину имени, что с тобой, как ты будешь жить в Америке без спелинга? На Брайтон Биче он не нужен? А если тебе позвонят из больницы или полиции и спросят твою фамилию, что ты без спелинга им скажешь? Что ты Маня Цапик. А буквы “ц” в их алфавите нету. Кстати, на “ц” начинается “цидрейте”. Кого я имею в виду? Конечно, не себя. Курва, стерва, проститутка - это же экземпл, примеры. Нет, Маня, мы говорим на разных левелах. Пока ты не подтянешься до моего уровня - не звони.

И Нехамма Гурвиц (так и хочется проспелать через “К”) положила трубку.

... ПОДКОВЫ СЧАСТЬЯ ...

.. возле нашего дома, за пустырем, стояла кузня...

... я любил торчать в ее открытых воротах и наблюдать, как кузнец Ицык выковывает подкову. Сначала он забрасывал в раскаленную печь брусок железа. Когда тот становился огненно-красным, помощник подхватывал брусок клещами, бросал на наковальню, переворачивая с одной стороны на другую, а Ицык бил по бруску тяжелым молотом. Тот вытягивался все длиннее и длиннее, его выгинали в букву П с круглыми боками, проделывали дырки для гвоздей и бросали в ведро с водой. Раздавалось шипение, пар поднимался до потолка - подкова была готова.

- Ты, Люсик, кузнецом не будешь, хотя тебе это нравится. Твои братья пошли в институт, и тебя Рухл, твоя мама, отправит туда же. А мой Сема, шалопай, гоняет в футбол, - говорил мне Ицык и брался за второй брусок.

Я ждал, пока приведут лошадь.

Колхозный конюх Васыль уже вел ее за уздцы.

Когда ей поднимали ногу, сгинали в колене и начинали прибивать большими гвоздями подкову в мякоть копыта, я не мог понять, почему она не вырывается, не ржет от боли.

Васыль, видя мое недоумение, разъяснял:

- У коней там хрящ.

Ясности это не вносило.

... я жалел и любил лошадей...

.. папа работал в МТС десятником на стройке. Ему выделили бричку с лошадей. На ней он ездил в каменный карьер, в лес, на известковый завод...

... самой большой радостью для меня была поездка на этой бричке.

Вставать надо было рано.

.. сегодня мы направляемся к Карманскому. Так зовут лесничего.

Я держу вожжи в руках и сияю. Жаль, что меня не видят мои одноклассники.

Они еще дрыхнут в это время. Остались позади школа, крестьянское кладбище, ветбольница, и мы по проселочной дороге едем в лес.

Взошло уже солнце. По обе стороны дороги поля: гречишное и клеверное. Над желтыми головками жужжат пчелы.

Лошадка наша тянется ущипнуть стебель. Я отпускаю вожжи.

Я рад, что она подкрепится - ехать еще далеко....

... любимой сказкой была “Сивка-Бурка”..

... знал почти наизусть “Конька-горбунка”...

...глава о стране разумных лошадей “Гуинггнм” из “Путешествия Гулливера” была самой привлекательной...

...лошади и подковы мне сопутствовали затем часто...

...”Конармию” по книге Бабеля я поставил в Одессе в “Студии киноактера”...

... зеркало сцены изображало подкову...

... на гвоздях висели седла, сбруя, шинели, буденовки...

... по ходу спектакля актеры обыгрывали их...

... в фильме “Заказ на музыку” я ввел эпизод о последнем биндюжнике Одессы..

... однажды на Привозной, где мы снимали сценку во дворе, я увидел остановившуюся напротив винного погребка повозку на резиновых колесах. На козлах сидел в замасленной, никогда не стиравшейся одежде, в кожаной “шестиклинке” на голове старик, похожий на чаплинского Чарли. Он соскочил на землю, поставил перед лошадью ведро с овсом и спустился вниз пропустить стаканчик вина. Он заинтриговал меня. Вскоре появился навеселе, держа в руках бутылку. Приложился к ней. Подошел к Берте - так он называл лошадь - погладил по морде и стал лить в ведро остаток вина. Такое я видел впервые.

Арон - так звали старика - объяснил мне:

- Сегодня пятница. Мы отработали пять тяжелых дней. Я свой литр выпил, и Берточка тоже заслужила немножко “Солнцедара”

Я узнал, что он возит вот уже пятый десяток в Еврейскую больницу уголь, дрова для котельной, тюки белья для стирки, картошку, овощи для столовой.

- Меня знает вся Одесса. Я - последний биндюжник. Мой дед тоже был биндюжником и до революции имел извоз на Молдаванке.

- Его, случайно, не звали Мендель?

- Меня часто спрашивают так. Он был Арке дер Ройтер. Я имею его имя. Я уже увидел эпизод на экране.

Упросил его сниматься по выходным с Бертой.

.. они получали по семь пятьдесят за съемочный день...

... мы подружились...

... на просмотре он сидел в первом ряду...

.... Берта ждала его на киностудийном дворе...

- Если б я знал, что оно так будет красиво, я бы причесал Берту и одел бы “костюм” ...

... перед эмиграцией я поехал в родное местечко попрощаться с могилой матери ...

... взял с собой пятилетнего сына...

... ему все было в новинку...

... и кладбище, и плачущий папа у “мацейвы” бабушки...

... и огромный яр за школьным садом,...

... бойня..

... но откровением были... живые лошади...

... постаревший Васыль, как и раньше, ездил на колхозной подводе, возил с поля “бурякы”, прикрытые ботвой...

Он не узнал меня.

- То як твоя фамилия?

Эрик подсказал.

- То ты Эзры сын! Памятаешь кузню? Ёцык вже помер.

- Я видел сегодня его памятник на могиле.

Эрик потянул меня за пиджак.

- Васыль, можно ему сисы на пидводу?

- А як же!

Я подхватил Эрика под мышки и посадил рядом с возницей.
Василь дал ему в руки вожжи. Он крепко зажал их и замер.
Такой радости мальчишка еще не испытывал в своей жизни никогда...
Я шел за медленно плетущимися лошадьми и, счастливый, смотрел на
моего сына, уводящего меня в детство...

... затем была Америка ..

... несколько лет мы перекочевывали из одного апартмента в другой...
... тысячи книг, что я пересылал и привез с собой, стали гирями
на ногах...

... да и Эрик подрос - нужна была хорошая школа...

... начались поиски недорогого дома...

... однажды жена в “Чикаго трибюн” нашла объявление, что продается
ранчо на полутора акрах земли в далеком для нас тогда районе Норсбруке
за более или менее приемлемую цену...

... мы поехали смотреть...

... старая кирпичная “хата” утопала среди сотен деревьев...

...главенствовали столетние дубы...

... были и ивы, и ели, и клены, и шелковицы, и ореховые деревья, и даже
один стройный высокий кедр...

... кусты роз, черники, ежевики, сирени...

... и ...

я не поверил своим глазам: рядом, у соседского дома, огороженного
деревенским забором из бревен, - загон для... лошадей!

... шесть черных и один белый, длинноногий жеребец с длиннющей
гривой паслись тут же, рядом...

- И-го-го-го-го-о! Берем во что бы то ни стало, - крикнул я

...лошади посмотрели на нас и одобрительно закивали мордами...

.. старушечка-”одуванчик”, продававшая свое ранчо, в котором прожила
большую часть своей жизни, оказалась общительной и сговорчивой:

- Мне один врач, он тоже из России, предложил... столько-то тысяч, но
если вы добавите всего на одну больше, я приму ваш оффер...

... не зная еще, где мы достанем деньги на первый взнос и дадут ли нам в банке кредит, мы немедленно согласились...

... когда мы проходили мимо забора, лошади долго смотрели нам вслед...

... в сентябре день рождения Эрика мы уже отпраздновали у себя на ранчо ...

... сосед, хозяин табуна, был венгерский еврей, в котором, возможно, текла и цыганская кровь...

...он навел страх на всех окружающих...

.. стрелял из охотничьего ружья по белкам и воронам, сжигал листья на своей территории, с утра до вечера пилил и колот дрова...

... соседи судились с ним, вызывали полицию, писали жалобы в “сельсовет” виллыджа и все, как вилами по воде...

.. он заметил, что я с восторгом наблюдаю, как он гоняет лошадей по кругу...

... они чутко улавливали свист бича, разрезающего воздух, и неслись то вскачь, то галопом, то медленно шли друг за дружкой...

... фантастическое зрелище...

... даже запах навоза стал мне “сладок и приятен” ..

... мы оказались единственными, кто не доносил на него...

... он оценил это...

... вскоре я впервые сидел в седле на самой смирной лошади и “гарцевал” рядом с ним...

... когда он сообщил мне, что собирается продать усадьбу и перебраться во Флориду, я был ужасно огорчен...

- А что вы сделаете с лошадьми?

- Продам. Каждая из них стоит большие деньги.

...новые владельцы, бывшие киевляне, снесли все постройки, выкорчевали деревья и стали строить громадный ... “вокзал на двоих”

... перед этим я зашел в опустевшую конюшню, увидел в углу ящик со старыми заржавевшими подковами и взял их себе на счастье...

... повесил их над входом в дом, вокруг террасы, на которой соорудил “тумбу” с афишами своих спектаклей и фильмов, на стеллажах с книгами...

... маленький домашний театр...

... под “тумбой” стояло старинное, выдавшее виды кресло, оставленное мне лошадиником ...

... я часто сидел в нем, любуясь тихими вечерами луной, высоко висящей над нашей крышей...

... такой же я ее видел в Джурине лет пятьдесят назад, возвращаясь поздно домой из школы, и думал: “Вот та черная точка в центре - это след от ракеты из книги Жюль Верна”..

.. в этот раз луна была полной и светила ярко-ярко...

... и вдруг... тяжелая подкова сорвалась с гвоздя, пролетела мимо виска и со звоном ударилась о цементный пол....

...если бы я в это время наклонил голову чуть вправо - право, не знаю, остался бы я жив...

... после этого разве можно сомневаться, что подковы приносят счастье?

... я не сомневаюсь!

«...СЕДОЙ, БОЕВОЙ КАПИТАН...»

В нашем доме на кухне оказался Тильс – Пётр Петрович Голубчик, «Комендант порта». В том же гриме, в той же одежде. Я счастлив, не знаю, как его приголубить, где посадить, что ещё поставить на стол.

Он совсем не изменился, но подожди, мне же из Одессы сообщили, что он умер. Как хорошо, что это ошибка. Вот он предо мной, мой Пинхас Пейсахович!

- Вы помните, как я безошибочно разгадал ваши настоящие имя и отчество?

- Я ничего не забыл, Илья Эзрович. Это были мои самые счастливые месяцы в жизни.

- Ешьте, пейте, пожалуйста.

- За вас и вашу чудеснейшую супругу! Надеюсь – она в полном порядке. Не штормовали?

- А вы боялись, что текст не запомните?

- Остался в памяти навсегда. Капитанская форма у вас с собой?

Я подвёл его к гардеробной. Там первым на вешалке висел морской китель.

Начал искать фуражку с крабом. Вот она.

- Так что, капитан, пройдемся по эспланаде, послушаем оркестр, узнаем, кто сегодня прибыл в порт?

- С удовольствием Тильс!

Быстро облачился в «настоящего морского парня». Посмотрел в зеркало, и увидел себя «седым боевым капитаном». Как никак прошло...37 лет.

- «Комендант», а где ваша палочка, с которой вы никогда не расставались?

- После съёмок потребовали сдать на киностудию – набалдашник был ценный, костяной!

Я подвёл его к высокой плетёной корзине со всевозможными палками. Он порылся и выбрал – мою любимую.

- Она ваша., Тильс!

Мы вышли за двери.

Я стоял на шоссе... в Джурине. Тильс исчез. Палочка в моих руках.

На мне морская экипировка. Замечаю взгляды встречных. Спускаюсь вниз к помпе.

По дороге, где раньше был дом сапожника Шмила, - булочная.

Неплохо было бы полакомиться, как в детстве, булочкой с маком. Их вкусно выпекала Бейла Резник.

Захожу. За прилавком – молодая краснощёкая «булочка» с изюминкой под нижней пухлой губкой. Она смутилась, застыла с батоном в руке, который собиралась положить на полку.

- Здравствуйте, милая.- обратился я к ней.

- Я знала, что вы так скажете. Господи, я же вас жду и не дождусь. Именно такого, прошедшего через моря и океаны, бури, штормы и заглянувшего в наше безводное местечко...

- Чтобы встретить вас...Нюся, - подыграл я ей.

Она покрылась ещё большим румянцем, поняв, что я увидел наколку на руке: «Нюся, жди меня! Толя», и якорь в сердечке.

- Это он вырисовал, когда пошёл служить на флот. И ... погиб на учениях. Я дала слово не выходить замуж, пока Толя не пришлёт за мной ... капитана корабля, красивого, поседевшего, с молодыми яркими глазами...

- Я и пришёл, - меня тронула её искренность.

- Что же я стою, как дура! Извините, пойдёмте, я вас накормлю, напою...

- Мне бы только булочку с маком...

- Будет и булочка... Танька!

Тут же подскочила Танька – конопатая девка, всё время стоявшая у занавески в подсобке.

- Принимай магазин, я убываю... с капитаном, - и посмотрела на меня.

Я кивнул. Танька бросилась ей на шею и заревела.

Весь Джурин уже знал, что Нюся Назарова дождалась своего моряка.

Десятки хлопчиков и девочек сопровождали нас до её дома. Они забежали вперёд и заглядывали нам в лица.

Нюся мягко вела меня под руку, гордая и счастливая, шла нога в ногу со мной по шоссе, на котором мне знаком был каждый булыжник.

Я сижу на высокой деревянной кровати, застеленной белоснежной

накрахмаленной простынёй. Ноги опущены в широкий эмалированный таз с тёплой водой. Нюся омывает их, просит привстать. Начинает натирать всё тело. Поливает из кувшина на плечи. Насухо обтирает меня. Я весь возбуждён. Укладывает в постель. Приводит себя в порядок. Ложится рядом.

И мы поплыли на белом паруснике. Попутный ветер подымал нас над волнами, мягко опускал и снова вверх!

Это было одно из самых приятных плаваний в моей жизни.

Мы шли по Приморскому бульвару в Одессе.

Нюся на высоких каблуках, в шелковом синем платье, прижалась к моему левому плечу. Мимо проходят стайками молодые курсантики. Bravo отдают честь. Я отвечаю. Нюся сияет.

Подумал: “Приятно—то приятно, но вдруг напорюсь на морской патруль и что я им предъявлю – американский паспорт? Надо убираться подобра-поздорову. А Нюся? Что будет с ней?”

Она потянула меня на фуникулер. Милый ребенок! Мы стоим в порту на причале, перед сходнями. Паракот трёхпалубный. Нюся вбегает на него, улыбается, машет мне рукой. Начинаю подниматься. Ноги ватные.

Сердце пронизывает боль. Ступеньки не кончаются. Голова тяжелая.

Темень покрывает мозг...

...просыпаюсь в большой спальне. Виски налиты чугуном...

... прокручиваю ленту сна: Тильс, Джурин, булочная, Нюся, “парусник”, Одесса... смерть на ступеньках...

ЧЕЛЮСТИ

Из цикла рассказов “Мы здесь и там”

Я не мог ошибиться: это был Аранович. Только еще у одного человека имелась такая выпирающая нижняя губа - у актера Михоэлса.

Но здесь, у океана, в Лахойе, ранним утром с металлоискателем в руке?

Я протер глаза. Аранович проявился во всей красе: высокие резиновые сапоги до колен, непромокаемая куртка желтого цвета, соломенная мексиканская шляпа на голове. Он шаг за шагом прощупывал песок. Вот нагнулся в очередной раз, добыл что-то и бросил в карман.

Я окликнул его:

- Зиновий Моисеевич!

Он застыл. Затем расплылся в улыбке, обнажив беззубый рот.

- Ты давно здесь? - спросил он, шепелявя.

- Всего полчаса. Я снял наверху в мотеле номер - и сразу к морю.

- Море было в Одессе. А где ты живешь?

- В Чикаго.

- Ты Екельчика там не встречаешь?

- Нет.

- С чего ты живешь, ты же еще не пенсионер?

- Работаю в университете.

- А помнишь, как ты у меня во Дворце халтурил?

...Аранович был последним директором-евреем культурно-массовых заведений... До войны - театра, а после - Дворца культуры железнодорожников им. Кагановича. Не существовало вещи, чтобы он не мог достать ее, не было артистов чтобы он не уговорил их выступить, не было мягкого вагона в поездах, в который Аранович не посадил кого нужно. Сам он, слава богу, не сидел.

Я вел у него литературную студию. Он выписывал на меня денег в полтора раза больше, и я отдавал ему половину.

- Вы меня тогда поддержали. У нас сын родился и...

- А-а, что это были за деньги... Я сейчас за день нахожу больше, чем ты зарабатывал в месяц..

Он уловил мой вопрошающий взгляд.

- Я этим занимаюсь не просто так. Я выдержал бой с местными “кладоискателями”, и они меня признали. Я убедил их в моей правоте. Мне надо найти то, что проглотил этот обжора-океан.

Мы подошли к стульчику и сумке возле него. Аранович, вынул термос и завтрак, завернутый в бумажное полотенце. Он налил чашку дымящегося кофе и протянул мне. Я поблагодарил.

Он стал жевать деснами начесоченную котлету, закусывая мягким, ватным хлебом.

- Понимаешь, когда я уже знал, что мы уезжаем, я решил наспиговаться. Все твердили одно: зубы надо делать в Одессе. Своих было - кот заплакал, а мосты “прогнулись”. Зашел разговор о челюстях. И тут выяснилось вдруг, что у меня трудный “ландшафт десен”. И такое, оказывается, есть. Ни Перельман, ни доктор Гольдберг, ни Пекарский не брались за челюсти - не на что цеплять. “Может быть, за это возьмется только Саакянц в мединституте”, - посоветовали мне. А как к нему попасть, когда очередь на месяцы вперед?

Я испробовал многое, а ты знаешь мою пробойную силу, и никаких.

Он еще был молод, с золотыми руками, но дачи у него не было.

А моя на двенадцатой станции - лакомый кусок. Мы договорились.

Он зацепился за несколько бугорков на десне и насадил на них челюсти с серебряными выемками. Я грыз семечки, жевал мясо, ел твердые яблоки.

Мы приехали в Калифорнию, и я был счастлив. И вот сюда, где мы сейчас с тобой, я каждое утро год подряд приходил и купался. Я же был морж на Лонжероне - “морда жидовская”. Но не всегда коту масленица. Были страшные волны, и - как это случилось, до сих пор не пойму - я открыл рот, и вода вырвала из него челюсти... Что тебе сказать... трагедия хуже, чем “Ромео и Джульетта”. Но океан должен вынести все на берег обратно. Я достал современную аппаратуру. Я выдержал конкуренцию. Я каждый день нахожу монеты, ключи, часы, кольца, ожерелья ... и я верю, что найду свою челюсть с серебряными выемками. Мне здесь уже сделали другую. Но когда я жую, у меня ощущение, что это жернова, перемалывают горький горох...

Он снова, шаг за шагом, начал прощупывать песок.

Я пожелал Арановичу удачи.

МОГИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН

Самуилу Мироновичу на юбилей внук подарил «мобильник». Это было точное попадание в восьмидесятку.

Дедушка в войну был связистом, таскал на еще не окрепших плечах тяжелую катушку с кабелем и дотянул его до самого Берлина. Затем – институт, работа на почтамте, где дослужился до начальника городского узла связи.

И вот у него на ладони - миниатюрный сэлфон. Звони в любое время, в любой город, даже в родную далекую Одессу! При всем знании техники, его воображение не могло сразу постичь, как он смонтирован, этот мобильный телефончик.

Старик ожил. Теперь он мог по субботам, и воскресеньям, и каждый день после девяти вечера, бесплатно наговориться всласть с многочисленными родственниками, друзьями, знакомыми и... с герлфренд Миррой, к сожалению находящейся после эксидента в госпитале.

Иногда «Моторола» барахлила, прерывался разговор, и на этот случай остроумный одессит объяснял с грузинским акцентом:

- Панымаеш, эта же сэл фон – батарэйка сэл, - и смеялся довольный. Вскоре сыграли свадьбу внука Марика. Самуил Миронович одел свой лучший двубортный костюм, прихватил «мобильник» и прямо из зала подробно комментировал Миррочке обряд хупы, перечислял всех присутствующих и, не стесняясь, всплакнул, когда невесту вели под венец.

В ресторане танцевал «Семь сорок», пил а глейзале машке, попробовал впервые в жизни суши с крабами.

Но рядом с весельем бродит и печаль.

После торжества, поздно ночью, уже у себя в комнате он бросил на кресло пиджак, поверх брюки и лег в постель. Долго не мог заснуть. Потянулся к одежде, чтобы достать оттуда нитроглицерин и...

Хоронили его на еврейском кладбище, где уже было закуплено место рядом с женой Гитей, умершей девять лет назад. Седобородый раввин, предварительно получив сведения о славном боевом пути Шимона бен Мойше, имена его родителей, дочери, зятя, внука - говорил

прочувственно и красиво. Гроб стали опускать на веревках в яму, как вдруг оттуда зазвонил телефон (покойника одели в костюм, где в верхнем карманчике остался аппаратик). Ситуация прямо трагикомическая. Не переставая, раз за разом звучал зуммер. Это, конечно, звонила Мирра, обеспокоенная тем, что уже сутки Самуил Миронович не давал о себе знать. Семья дочери была в шоке. Что делать? Вытаскивать гроб обратно? Кое-кто даже тихонько хихикал. Стали советоваться с раввином. Старик отпевал тысячи умерших, но такой случай в его практике был первым.

А телефон не переставал подавать сигналы. Подумав немного, ребе Клигман сказал:

- Уважаемые господа. У покойника осталось на нашей грешной земле много друзей, не сумевших в эти горестные минуты быть здесь, выразить своё сочувствие, и они таким образом желают, чтобы земля была ему пухом. Умейн!

Все повторили «Умейн!», и в мгновение ока вырос свежий холм земли. Звонки ещё раздавались долго, но теперь они были еле слышны. Потом прекратились – «батарейка сэл».

ПОЗОРНАЯ ТРУБА

Пришел ко мне Феля, сосед по дому напротив, и говорит:

- Слушай, Изя, купи подзорную трубу.

- А зачем мне подзорная труба? – отвечаю я ему.

- Зачем? Вышел на балкон, направил трубу на озеро Мишиган, и у самого горизонта видишь: белеет парус одинокий. И мало, что ты видишь его во всей красе, - ты можешь прочесть на его борту название, например:

- “Либерти” или “Мэйфлауэр”.

- Я же не читаю по-английски.

- Тогда направишь трубу в другую сторону и гуляешь по окнам. Ни один телевизор такое не покажет. Отличный цейсовский аппарат. Я начал их продавать. Ты будешь первый, и тебе большая скидка.

- Сколько?

- Стоит 125, а я тебе отдаю за 124. 95, включая тэкс. Не сомневайся.

Я знал заранее, что отделаться не смогу. Как-никак, он помог мне получить дисабилити, поселил за взятку в эту квартиру, устроил мою жену в доме, где он живет, смотреть за парализованным стариком. На кэш.

Подзорная труба перекочевала ко мне.

Сидя на кухне, я навел этот одноглазый бинокль в раковину для мойки посуды.

Из крана капала вода. Я крутил линзу, и капля разрасталась в воздушный шар.

Красиво, ничего не скажешь.

А вот тюлевая занавеска в спальне соседского дома превратилась в рыбацкую сеть... потом вырисовались... белые женские ноги... между ними волосатая спина мужчины поднимающаяся вверх-вниз... вверх-вниз... знакомая поза...

Я сделал самое большое увеличение на ноги и ... прочел возле щиколоток: “Нет счастья в жизни! Одесса 1959.”

“Стоп! – закричал я. – Так ведь это ноги моей Клавки! Какое коварство!

Я с размаху, швырнул “позорную трубу” в их грязную, вонючую кровать

и не промахнулся—ведь я не зря в тире выбивал из десяти десять.

Вечером Клавка вернулась с “работы”, и с порога:

- Представляешь, какой то идиот, пролетая сегодня в вертолете над домами, уронил подзорную трубу нашему Феликсу прямо на голову. Говорит, что его чуть не убило. Я, чтобы компенсировать его травму, все же он сделал для нас много хорошего, купила тебе на день рождения эту подзорную трубу.

Я хотел разорвать ее на части, но спросил:

- За сколько?

- Всего за 135 долларов.

Я разрыдался. Она стала меня успокаивать, гладить по спине и увела в бедрум...

На следующий день, я снова навел окуляр на окно Феликса. На нем была ... решетка.

КРОССОВКИ

Наконец, решил посетить «родные пенаты», точнее - родные могилы в Одессе, и Исаак Бельский. Он оттуда уехал ровно двадцать один год назад. Многие его друзья, знакомые уже побывали там, впечатления были разные, но в одном сходились все: той Одессы уже нет, и жить там они бы точно не смогли. Давали советы: что с собой взять, как себя вести на таможне, стараться не выделяться, наличные деньги в гостинице не оставлять.

Лева Шапиро конкретно настаивал:

- Кэш спрячь в старые, поношенные кроссовки.

Он решил прихватить с собой две тысячи. В банке попросил выдать двадцать сотенных - они пойдут в «тайнички». На мелкие расходы подготовил синглс, пятерки и десятки.

Первый конфуз произошел в аэропорту Оухера, в Чикаго. Нужно было обязательно снять обувь на контроле. Две тоненькие стопки купюр Изя положил в конверты, запечатал их и накрыл сверху стельками от плоскостопия. Гард пропустил кроссовки через рентген, достал конверты, пощупал, улыбнулся и положил обратно. «Пронесло!» - обрадовался Исаак.

По прибытии в Варшаву и Одессу деньги переключали в пиджак.

Гостиница «Моцарт» напротив Оперного оказалась не настолько уютной, как рекламировали. Начиная от швейцара в красном одеянии на входе до уборщицы в номере, все смотрели в руки и ждали чаевых.

Исаак решил осмотреться, а потом составить на две недели план, куда и когда.

Натянув на себя джинсы, одев кроссовки с двумя тысячами, накинув куртку на плечи, он завернул за угол и сразу попал на Дерибасовскую. И он ее не увидел - на тротуарах, до самой Преображенской, не было пустого, свободного метра. Примыкая друг к другу, расположились кафе, бутики, ресторанчики, киоски, обменные пункты. В Городском саду, скульптуры двух знаменитых львов перекрывали полотна доморожденных художников, столы с матрешками, хохломскими ложками, гжелью, поддельными шкатулками из Мстеры, Палеха, Холуя, лотки, лотки, лотки. Покупали

мало, но жизнь кипела.

Он прошел на Ласточкина, а оттуда на Гоголя к «Атлантам». Вид на море перекрыл ресторан перед «Тещиным» мостом. А на месте старинного мавританского дворца с башенками и узкими бойницами, покрытыми зеленоватым мхом, стоял выкрашенный в белый цвет, приглаженный, разрисованный современный «монстр», обведенный железной оградой и воротами с компьютерной системой входа и выхода.

Здесь, в бывшем, как теперь стало ясно, Доме творчества, он, Исаак Натанович, после института проработал библиотекарем в нотном отделе девять лет.

- Ну, как? Нравится? – услышал вдруг за спиной Бельский.

Он повернулся и увидел типичного кагебешного дядьку в штатском, охранявшего, как оказалось, частный «Банк».

- Ничего, – ответил Исаак.

- Проходите, проходите!

Так он бродил по городу до самого вечера. Перед тем, как вернуться в номер, поужинал в шумном ресторанчике «Галушки» и все же в неплохом настроении, уставший, поплелся отдыхать, ощущая под ногами две тысячи долларов и землю, на которой он когда-то родился.

Гаванная почти не была освещена, но до «Моцарта» оставалось метров тридцать.

Неожиданно его затащили в темный подъезд и приставили к шее нож.

Их было двое. Один босой, другой в тельняшке, заметил Исаак.

- Не двигайся, америкашка! Жора, обыщи!

Тот залез в куртку и вытащил бумажник. Там было сорок пять долларов, паспорт и обратный билет. Он забрал только деньги.

- А где остальные?

- У меня «виза», и она в гостинице, – сообразил сказать Исаак.

- Снимай кроссовки!

- Почему именно кроссовки? Берите куртку...

- Куртку возьмем тоже. Она мне подходит. А кроссовки будут Жорику – ты же видишь, он босой.

Изю охватил страх и он пролепетал:

- Не могу же я прийти в носках...

- Ух, какой интеллигент, – и ударил под дых.

Исаак свалился.

- Теперь будет удобнее снимать.

Вмиг кроссовки оказались у Жоры. Он стал всовывать ногу. Было тесно. Выбросил стельку. Выпал конверт.

- Братан! А тут нам письмо.

Тот надорвал его, и выпали деньги. Пересчитал.

- Жорик! Кусок! Смотри в другом.

- Еще один!

- Молодец, Исачок! Разделил для нас поровну.

- «Откуда он узнал мое имя? Из паспорта, что ли?» - мелькнула мысль.

- Слушай, засранец! Чтоб ты не думал про одесских воров плохо, возьми свои кроссовки, и я тебе дарю на мелкие расходы – сотню.

- Я тоже, - сказал Жора.

Они помогли ему встать. И скрылись.

Исаак хихикнул, а затем начал истерически смеяться.

«Какая прелесть! Я невредим, я жив, кроссовки при мне и двести долларов на руках. Пойду и напьюсь!»

Он никому не сказал о краже, побывал на могилах дедушки, бабушки, родителей, старшего брата Мусика. Сумел за взятку на оставшиеся от Жорика и его друга деньги поменять билет и в тот же день улетел на Варшаву, а оттуда домой в Америку.

Часть вторая

ГРЕЙПФРУТ

Самый доброжелательный зритель сидит почти всегда в первом ряду с права, на крайнем стуле. Я его сразу нахожу и через него общаюсь с залом.

На этот раз это почётное место занимала старушка лет восьмидесяти, с седой короткой стрижкой, в ярко-синем платье в белый горошек. Она первая узнавала всех на экране, восторженно реагировала на имена.

Недовольные соседи шикали, просили не мешать лектору, но я взял её под свою защиту, сказав в микрофон, что меня это даже вдохновляет.

Когда лекция закончилась, она подошла ко мне, пожала руку, поблагодарила за доставленное удовольствие.

- Я ведь всех их видела: Маяковского, Качалова, Михоэлса... Я с двадцать третьего года жила в Москве.

- А как вам тут живётся?

- Как в санатории: всё приносят, привозят, отвозят. У меня отдельная квартира, телевизор, телефон, и даже свой грейпфрут есть.

- Вы имеете в виду фрукт или дерево? – спросил я с улыбкой.

- Какой фрукт, какое дерево?

Мой грейпфрут – кошерный американец, всего на год моложе меня!

Тут вмешалась её подруга.

- Ася, сколько раз тебе напоминать: не грейпфрут, а бойфренд! Бойфренд!

ДВА ПАЛЬЦА ОБ АСФАЛЫТ

Фальковичи решили покинуть Скоки и переселиться в более богатое место севернее Чикаго.

Соня заявила:

- Фима! Что-что, но руки у тебя, слава богу, стоят. Ремонт косметический сделаем сами и выставим это надоевшее кондо на продажу, Фима! Если Гутманы купили таунхауз в Баффало Гроув, то мы можем тоже..

Начали они с обоев. Содрали их быстро, но возникла проблема: куда выбросить гору скомканной бумаги.

Соня вспомнила:

- Фима! За “Бейкери” стоят два больших контейнера. Вечером выбросишь.

Он загрузил мешки с мусором в вэн и отвез их к контейнерам., Поднял крышку и начал заталкивать мешки. Неожиданно тяжелая железная рама с грохотом опустилась. Фима почувствовал страшную боль. Фаланги двух пальцев на левой руке были обрублены.

Не помня себя, он вскочил в машину. Кровь стекала по рулю.

Мелькнуло: “Я же не смогу работать на компьютере!”.

Соня, увидев его, истерически закричала:

- Фима! Где пальцы?

- В контейнере или на асфальте, - еле выговорил Фима, белый, как полотно.

Йода дома не оказалось. Сердобольная Соня вылила полбутылки водки на Фимину искалеченную руку и перевязала полотенцем.

- В “скорую”! - прошептал Фима.

Она прилипла к рулю, как чапаевская Анка к пулеметной гашетке. Мчала сто миль в час. Фима стонал.

“Шлимазл! Он еще может потерять работу”, - думала Соня.

В “скорой” формальности заняли не меньше получаса.

Фима был в обморочном состоянии. Еще через минут двадцать появился специалист-ортопед

- Где фаланги? - был его первый вопрос.

- В контейнере.

- Надо немедленно найти их. Попробуем пришить.

Соня мчалась обратно, как гонщик Шумахер, мелькавший каждый день на экранах телевизоров.

Было совсем темно. Она заскочила домой за фонариком.

Яркий луч шарил возле ящиков. Пальцев не видно было.

Кто-то из многоэтажки напротив позвонил в полицию.

Через пару минут с воем сирен, с крутящимися мигалками, со скрежетом тормозов возле Сони остановилась машина. Выскочили двое полицейских. Увидели следы крови.

- Что вы тут делаете?

- Ищу пальцы мужа.

- Вы бросьте шутить.

- Я не шучу. Меня ждут с пальцами в госпитале.

- А он, что работает в бейкери?

- Нет.

- Так что он тут делал?

- Какое это имеет значение.

- Предъявите драйвер лиценс и иншуренсную карточку.

Она нервно шарила в сумочке, ругаясь по-русски.

- Чтоб вы горели, гнусные паразиты, тут каждая минута важна...

Один из полицейских оказался поляком.

- Матюкаться не надо, товаришка...

Они вытащили верхний мешок, и на асфальт скатились два обрубка.

Завернув их в полиэтиленовую пленку, они направились в “скорую”, проскакивая на красный свет. Соня гналась за ними, как в детективном фильме.

Хирург пальцы пришил.

Фима работу не потерял.

Полицейские выписали штраф за использование чужого имущества.

Кондо было продано.

Таунхауз был куплен.

А Соня, встречая гостей, приходивших поздравить их с новосельем, начинала рассказ о случившемся с Фимой так:

- Я вам сейчас расскажу хохму, так вы пальчики оближете...

ТАКОЙ ТИП, ИЛИ ПРОСТО ФИЛЯ

Э.Ц. – посвящаю.

Зовут меня Филипп, Филипп Каценленбоген, а по паспорту – Мышкин.

Это мама настояла взять ее девичью фамилию. Убедила папу, что так для меня будет лучше в дальнейшей жизни, а оказалось наоборот - из Таллина пришлось почти бежать.

Кстати, я не люблю мое полное имя, поэтому всегда прошу называть меня просто Филя.

В Америку я приехал сразу после окончания школы. Хорошего английского еще не было, пошел работать к нашим в ресторан официантом. Мне нравится обслуживать людей. Но когда я увидел, что творится на кухне, какая там грязь, мыши, тараканы, остатки со столов снова идут в ход, я не выдержал, высказал хозяевам свое «фе» и вынужден был уйти .. Потом работал уборщиком в верхаузе, носильщиком в аэропорту и даже охранником в картинной галерее – это мне больше всего было по душе, но после женитьбы и появления нашей Леонки пришлось пойти в такси. Так вот, хочу вам рассказать один случай, и рассудите сами, прав ли я был или нет. Ибо жена моя считает, что я... начну по порядку.

Перед окончанием моей вечерней смены. позвонил мне диспетчер: поезжай за пассажиром в Гленвью по такому-то адресу. Приехал. Выскочил из дома парень лет тридцати, бухнулся на сиденье и назвал улицу на самом Юге города. Я слышал, что район там «темноватый», но что делать – ехать надо. От парня несло пивным перегаром, и он бормотал только одно слово: «ключи». Плутали мы долго, пока нашли нужный ему дом. Выскочил и сказал: жди, мол, возьму ключи - и обратно домой. На счетчике набило 36 долларов. Жду десять минут, двадцать, центы набегают, а его нет... Наконец, появился.

- Слушай, - говорит, - не отдают ключи от машины, а я забыл второпях дома деньги, одолжи двадцатку, приедем - и я сразу отдам все вместе... с таким типом... – и подымает вверх большой палец.

Надо парня выручить. Даю ему двадцатку.

Счетчик тикает, время бежит, а парень не торопится возвращаться.

Перевалило за пятьдесят долларов плюс мои двадцать. Жду. Бежит.

- Они просто вымогатели: просят еще десять, и тогда ключи мои. Слушай, брат, выручи еще на десятку – получишь все обратно с ... таким типом... – и весь дрожит.

Отдал ему последние две пятерки, что были в кассе, но закралось сомнение - придет он обратно или нет.

Возвратился. С двухметровым типом темнее ночи.

- Слушай, друг, еще нужно отдать ему всего пятнадцать долларов, верну ... с таким типом!

- Но у меня ничего уже не осталось наличными.

Подключился великан с голосом Поля Робсона:

- Карточка у тебя есть?

- Есть «Виза»...

- Годится! Тут рядом кэш-стейшн – гони!

Отказываться было уже неудобно. Погнал. Снял 15 долларов. Отдал им. Вернулись на прежнее место. Они исчезли в подъезде. Я стал подсчитывать: на счетчике – 107, плюс 20, плюс 10, плюс 15 – итого 152. Ничего себе ночка выдалась! Прошло еще полчаса, а его и след простыл. Может, полицию вызвать? Подожду еще пять минут. Как будто почувствовал: появился, уже с... тремя типами, один выше и грузнее другого.

- Нужна еще тридцатка – и не больше.

- А у меня больше там и нету!

- Спасибо, отдам с... таким типом!...

Все сели в машину, и я услышал, как заскрипели рессоры под ней. Погнал к банку. Снял последнюю тридцатку. Вернулись.

- Жди! Сейчас возвращусь с ключами.

Неужели скроется? Набило уже 140, плюс 20, плюс 10, плюс 15, плюс 30 – итого 215. Теперь время тянулось кошмарно медленно. Может, подняться к ним наверх? Но что-то сдерживало. Я даже вздремнул.

- Есть! – и он прозвенел ключами над ухом.

Он был здорово подпитый или накуренный – я в этом не очень разбираюсь.

Привез его в Гленвью.

- Спасибо, - и жмет руку.

- А деньги?
- Какие? Ах, да! Сколько там?
- На счетчике 162, плюс 20, плюс 10, плюс 15, плюс 30 – итого 237.
- Окей. Сейчас вернусь с... таким типом! – и скрылся.

Прошло пять минут, десять, пятнадцать, двадцать... Пошел звонить в дверь – тихо. Звоню еще раз – никакой реакции. Постучал в окно. Появился!

- Тише, разбудишь отца. Понимаешь, дома ни цента.
- А карточка у тебя есть? – осмелился спросить его.
- Конечно, есть, но в спальне, где спит старик. Я тоже покемарю немного. Приезжай к восьми, и мы поедем в банк. Я тебя отблагодарю – вот таким... типом!

- Я не могу уехать без денег! Хозяин меня уволит!
- Возьми мое ай-ди.
- А что я с ним буду делать?
- Будет тебе как доказательство.
- Тогда напиши расписку.
- Какую еще расписку?
- Что ты мне должен такую-то сумму, подпись и число.
- Пожалуйста.

Захватив расписку и ай-ди, я поехал к себе. Было уже четыре часа ночи. Надо и мне вздремнуть.

Жена сидела на кухне с мокрой повязкой на лбу. Признак нехороший.

- Где ты шляется, шлымазл?

Началось.

- Возил пассажира.
- Куда ж ты ее возил?
- Почему ее? Это был он.
- И сколько ты заработал?
- 237 долларов и...

Хотел сказать, что может еще и тип будет, но вовремя сдержался.

- 237 долларов? Покажи их.

Я протянул ей записку.

- Что это?

- Почитай.

Она прочитала.

- И что-о-о?

Пришлось все рассказать, как было.

- Идиот, юродивый, болван! Это же бандиты, наркоманы. Мамочка, за кого я вышла замуж?

Это было не впервой и обидно очень.

- Я к восьми поеду, и тогда увидим.

- Хочу видеть, как ты получишь дулю с маком. Я поеду с тобой.

- А Леонка?

- С нами. Пусть посмотрят, кого они ограбили.

Ровно в восемь я позвонил в знакомую дверь. Никто не откликнулся. Позвонил еще раз. Молчание. Постучал в окно. Показался пожилой американец. Я показал через стекло ай-ди и расписку. Он впустил меня.

- Я к вашему сыну.

- Сан оф а бич. Этот шалопай в шесть уже успел умчаться.

- Он мне должен деньги за такси. Вот его расписка.

- 237 баксов? Куда его возил?

Я подробно рассказал.

- Сан оф а бич. Мой сын опустил ся совсем. Как он тебя нашел?

- Вызвал по телефону.

- У вас там все такие?

- Какие?

- Ну, ангелы-хранители.

- Не знаю. Я хотел помочь ему.

- Не уверен, что помог, но поступил человечно.

- Спасибо.

- Как тебя зовут?

- Филипп, но лучше просто Филя.

- Филья, хороший ты братец. А я вот был бейсбольным тренером, тридцать пять лет, столько отличных парней воспитал, а своего проморгал.

Он достал чековую книжку и выписал... триста долларов, без упоминания про... такой тип.

- Садись, выпей стакан кофе.
- Большое спасибо, но меня ждет жена с ребенком.
- Провожу тебя - хочу увидеть твою семью.

Я познакомил его с Анжелой и Леонкой.

Он внимательно посмотрел на мою суженную.

- Ты знаешь, кто у тебя муж? – спросил он ее.
- Таксист.

- Нет, он не таксист. Филья - редкой породы особь! Береги его, береги!

Он похлопал меня по плечу и долго смотрел нам вслед.

“МОСКВА”

“Москва” – это старая пишущая машинка. Моя левая и правая рука. Она служила мне верой и “Правдой ... Биробиджанской”, где служил корреспондентом. Я – коренной русак, вырос на Бире, окончил там школу, отслужил в армии, затем пединститут. Писал в газету, печатали, а затем и пригласили работать. Там и свою любовь встретил – Мирочку Раппопорт. Мировую машинистку, евреечку. После войны их осталось здесь – кот наплакал, хотя область считалась еврейской. Родила мне двух сыновей, Якова и Андрея. Жили счастливо восемнадцать лет. Святая женщина. Таких бог рано забирает. Извините, слеза навернулась ... Больше я не женился. Вырастил детей сам

Первым подался в Израиль Яков с семьей. Стыдно вспомнить: не давал ему разрешение на отъезд. С партбилетом не мог расстаться. Сумел уехать и без моего напутствия. А Андрюша с Софьей добрались до Америки. Умоляли меня ехать с ними, уже началась перестройка, а я еще верил в идею. Стал от них получать письма, фотографии. Как увидел внучку, там родившуюся, совсем потерял покой.

Два года еще держался. И... поехал к младшему. Прихватил Мирину машинку, альбом с фотографиями, любимые книги, пластинки и появился в Чикаго.

Кто я Америке? А она мне – пенсию, медицину, квартиру по восьмой программе, на первом этаже в доме, где проживают в большинстве афро-американцы. Многие эмигранты настроены к ним предвзято, несмотря на то, что когда-то Соломон Михоэлс в фильме “Цирк” пел маленькому негритенку колыбельную песню на идиш. А я – интернационалист. Пригласил одного соседа по подъезду обмыть покупку: новый проигрыватель с усилителями. Всю жизнь мечтал о таком. Водку Джерри пил слабо, но все восхищался обстановкой.

Засел я за машинку и почувствовал себя, как дома. Газет русских здесь – считать, не пересчитать. Напечататься ничего не стоит. Все равно не платят. Но профессия осталась в крови. Стали появляться мои статьи одна за другой. Я чувствовал себя нужным членом общества.

Однажды под вечер возвращался я с прогулки вдоль озера, подошел

к своей двери, а она приоткрыта. Неужто забыл закрыть? Заскочил в комнату, а в ней, кроме кровати, стола и стульев, все вынесено.

Позвонил моим. Софья тут же вызвала полицию.

Составили репорт.

Ничего мне так жалко не было, как мою дорогую, родную машинку .

Интернационализм мой пошатнулся. Но не окончательно. Через пару дней утром открываю дверь, чтобы пойти бросить письмо в почтовый ящик, а передо мной... моя "Москва". Я понял, что она попала в руки не того "негра преклонных годов", который собирался "выучить русский только за то, что им разговаривал Ленин".

Спасибо, что не выучил!

НЕПЕЧАТНОЕ СЛОВО

Позвонил мне из Лос Анжелоса мой двоюродный брат и с радостью сообщает:

- Я, наконец, подключился к интернету.
- Мазл тов! Но почему надо подключаться на конец?
- Я имел в виду, что пришло время. Записывай.
- А может, не надо – ты ведь знаешь мою нелюбовь к интернету. Я

скачаю по перу и печатной машинке.

- Ты же писатель...
- Именно поэтому.
- Перестань. Я постарше тебя и понял: интернет – небывалый прогресс.

Будешь присылать свои рассказы, письма, и через секунду они будут на моем экране. Записывай: К, как Калман, надеюсь, ты не забыл имя нашего деда, только первую букву К и фамилию Урвандт вместе, без заглавных.

- Записал. Курвандт.
- Дальше – «собака».
- Не понял.
- Ну, буква «а» в кружочке.
- А при чем тут собака?
- Ты меня удивляешь: пишешь «Колумбуры», «Эмиграммы», «СтиСШАта», как ты их называешь, а то, что известно каждому ребенку – мимо тебя прошло.

- Хорошо. Повторяю: курвандт – собака.
- Тире не надо. Все вместе. Затем – Яху.
- Тыху.
- Не ты, а я.

Вспомнился тут же замечательный рассказ Пантелеева «Буква ты», и я пошел по накатанному.

- Я и говорю: тыху.
- Яху – это компания.
- Я бы не хотел быть в такой компании.
- Из всех провайдеров эта – лучшая.
- Ты говоришь о дочерях Аврома Вайдера? Какая именно?

- Люсик, что с тобой? Ты живешь в Америке или остался в Джурине? Я рад, когда ты пишешь о нем, но жизнь идет вперед. Лучше повтори, что получилось?

- Курвандт, собака, тыху.

- Слушай, в английском алфавите звук «я» состоит из двух букв: «вай» и «эй».

- Звучит по-китайски.

- Это неважно, как звучит, а как правильно написано.

Итак: курвандтсобакаяху, и последнее – дат кам.

- Каму дать?

- Все. Хватит. Я понял – тебе действительно не нужен мой имейл.

- ИМЭЛ? Это же «Институт Маркса-Энгельса-Ленина». Будем считать, что я его не имейл.

Через минуту я попросил жену, и она ему отправила этот «шедевр».

Он тут же ответил: «Это ведь готовый рассказ! Неужели мы его вместе написали?»

Выросшие в России верят только печатному слову.

СЭКСПИРИЕНС

Я был без работы.

Объявление в русской газете было загадочным и привлекательным..

“Требуется сильный мужчина, не старше 35 лет, на очень выгодную позицию. Высокая оплата со старта. Знание английского не обязательно. Звоните для апойнтмента ...”

Следовал чикагский телефон.

Я почти соответствовал всем требованиям. Правда мне шел уже тридцать седьмой год..

Позвонил.

Голос секретарши был охрипшим, но профессиональным.

Я представился.

- Вы можете приехать к двум часам.?

- Конечно, - быстро согласился я.

Черная башня находилась в сердце Даунтауна.

Я всегда думал, что в ней живут только миллионеры и оффисы там не расположены.

Потребовав мое ай-ди, гард буркнул, что меня ждут на семнадцатом этаже, юнит 177 и передал меня дежурному в лифт.

Дверь была полуоткрыта, и в проеме стояла в светлом брючном костюме, свежевыкрашенная брюнетка. Ей явно было за шестьдесят.

Она курила тоненькую длинную сигарету.

- Поговорим за чашкой кофе.

Стерильная кухня, запах молотых зерен, тонкий фарфор.

- Вы женаты?

- Был.

- Дети?

- Девочка осталась с супругой в России.

- Вы снимаете апартамент?

- Студию, в Роджерс Парке.

Я поразился самому себе, что отвечаю, как будто на допросе, но не мог противостоять этому.

- Какой у вас... сэксириенс?-и улыбнулась во всю белоснежную

челюсть.

Я не ослышался. Она произнесла “сэкспириенс”. Хотел ответить “большой”, но скромно сказал:

- Хороший.

- Я филолог и люблю игру слов. Преподавала в Москве, в институте Лумумбы. Можно вам в кофе коньячок? Вышла замуж за американского профессора-слависта. Оказался скучным, скупым, подозрительным. Мы расстались. Затем я работала переводчиком в огромной компании, торгующей с Союзом. Вскоре стала женой одного из совладельцев. Был он уже старенький, и вот уже год, как я вдова. В вашем... сэкспириенсе были женщины старше вас?

Я промолчал.

- Поверьте, что с возрастом страсть повышается... утончается... изощряется...

Она мягко положила свою руку, с серебряными кольцами на каждом костлявом пальце, на мою руку.

Я почему-то не отнял ее.

- Не скрою - вы мне нравитесь, вы подходите тому замыслу, что я задумала. Вы будете моим, ну... бадигардом. Вы разбудите мое немного уснувшее, соскучившееся тело - и одним махом решите все свои проблемы...

Я освободил руку.

Не помню, как очутился на улице.

Сияло солнце. Липы источали приятный запах.

Я подпрыгнул и достал рукой до высокой ветки...

НАШЛОСЬ!

Поразительная штука: многие вокруг знают, что она, жена, позволяет себе черте-что, а он, муж как бы не замечает, не догадывается, или делает вид, что не догадывается... В доме идеальный порядок, у них растут дети, она погуливает, у него “растут рога,” и семья не распадается и даже счастлива.

Младшенькая дочурка говорит ему ласково:

- Алось ты халось, ай лав ю Алось!

Алексей расплывается в улыбке.

Мама разъясняет гостям:

- А лось - это на идиш лось,” - и хохочет, заливаясь.

Однажды у нее пропало кольцо с драгоценным камнем - подарок бойфренда на Валентайн дей. Она перерыла весь дом и безрезультатно.

Обзвонила всех знакомых, где она побывала за последнюю неделю, включая Джерри: не находили, не видели, не заметили.

Алеша взялся помочь.

Математик, логик, компьютерщик, он составил план-график: где, когда, в какое время она его снимала, и после долгих расчетов уверенно сказал:

- Только в ванной, точнее, в рукаве трубы, уходящей в бейсмент.

Он вооружился большим гаечным ключом и стал ловко им орудовать. Когда “рукав” был откручен, он подставил медный таз, в котором когда-то теща из Одессы варила вишневое варенье с косточками на шестнадцатой станции Большого фонтана, и медленно стал выливать содержимое. Все столпились вокруг в ожидании чуда.

Звякнула монетка, потом пуговка, заколка и, наконец, кольцо с драгоценным камнем в клубке разноцветных волос.

Дети прыгали от восторга и кричали : “Вау!!! Вау!!!”.

Жена, вытирая слезу, обняла Алексея, горячо поцеловала и прочувственно призналась:

- Ты незаменим, Лосик!

Тут же пошла наверх и набрала телефон бойфренда:

- Нашлось! Кольцо нашлось!

- Кто нашел?

- Наш лось!

ВЕНЕРА “МИЛУОКСКАЯ”

Преуспевающая семья бизнесменов из городка Милуоки пригласила меня на открытие в их доме “литературного салона”.

Светлана и Борис предупредили, что будет избранное общество: люди солидные, богатые, “очень интеллектуальные”.

- Не обыватели какие-то, собирающиеся тысячами на Киркорова или группу “Любэ”. Наши мэбэры - люди, любящие настоящие стихи, классическую музыку, хорошую живопись, не абстракцию, нет, и чувствующие юмор. Вам нравится название салона “Свит Орчард” - что-то чеховское, правда? Это чуть-чуть измененное звучание моего имени и фамилии мужа - Садкис, остроумно, правда ?

- Игра слов хорошая, - согласился я..

Я не буду описывать шикарнейший дом, обстановку, гостей,

Рассказ - совсем о другом. О служанке. До того, как начался вечер, она помогала мне подготовить на кухне мой макробиотический ужин. Я это соблюдаю, где бы я ни был, даже на юбилеях и свадьбах - “все мое приношу с собой”.

Звали ее Венера. Имя для женщины ко многому обязывающее, но родители об этом не думали, когда она появилась на свет. Тем более, что произошло это в Тарту. А в Эстонии любят громкие, красивые имена. Была она высокая, худая, голубоглазая и, несмотря на уставший вид, довольно привлекательная. Хотя “не с лица воду пить”. Я уже давно понял, что важнее душевность, отзывчивость, ум. Все это в общении проявлялось.

- Вы случайно не слушали лекцию Юрия Михайловича Лотмана в университете? - спросил я ее.

- Конечно, - обрадованно подхватила она, - “Курс о Пушкине”, “О Карамзине”, “Беседы о русской культуре”, “Об искусстве”, - у меня до сих пор сохранились конспекты.

В Америку она приехала на заработки. Дома остались родители - пенсионеры и двое детей: школьница и студент.

Шансы вызвать их сюда были нулевые, самой остаться - тоже.

- Уповаю на лотерею, но я невезучая.

Мне с ней было легко и интересно.

Когда я читал перед публикой свои рассказы, “колумбуры”, “стиСШАта”. “сэкспромты”, “эмиграммы”, “аферизмы”, надписи на книгах - это тоже жанр, в котором я чувствую себя вольготно, - я слышал и видел, как она искренне смеялась, живо реагировала.

Я не забывал и о зале, но когда хозяйка, поманив головой, за чем-то отправила ее, мне стало не хватать главного благодарного слушателя

Программу я свою выполнил сполна, “салон” был доволен, просил еще что-то “исполнить”, как выразилась одна дама, на бис и ... я затянул песню: “Степ бай степ кругом...”

Когда началось застолье, Венера в белом фартуке носилась под взглядом “Сладкого сада” из столовой на кухню и обратно. Споткнулась, разбила блюдце и несколько фужеров, соскользнувших с подноса. Очень сконфузилась. Я подбежал помочь ей собрать осколки, шепнул: “Это на счастье!”

Она, вытирая слезы, благодарно улыбнулась уголками губ, .

Я вернулся на место, - а сидел я рядом с хозяйкой, - и та тоже шепнула мне:

- У меня с ней уговор: за каждую разбитую штучку из сервиза я вычитаю из зарплаты. Она интеллигентная женщина, но руки у нее отсутствуют.

- Как и подобает Венере, - сказал я.

Прощаясь, я подарил ей мою книгу с надписью:

Венере из Тарту -
Желаю выиграть гринкарту.

Через месяц она позвонила мне

- Здравствуйте, мой добрый, мой милый человек! Я вас часто вспоминаю. Вы напророчествовали: мама сообщила, что они уже подают документы. Спасибо...

И через длинную паузу:

- ... я вас люблю!

УМЧАТЬСЯ НА ФИЛИППИНЫ

Вот уже год, без исключения, по воскресеньям, с утра до полудня, в семье считалось, что Сорин посещает клуб здоровья. В действительности все обстояло по-другому. Да, он аккуратно складывал в спортивную сумку кроссовки, полотенце, садился в машину и уезжал совсем в другое место – к женщине, ставшей последней радостью в его жизни.

Он отвоевал эти несколько часов для себя сложной, выматывающей нервы работой в лаборатории и заботливым отношением к жене, прикованной к постели после автомобильной катастрофы.

Обе дочери были уже замужем, жили своими домами, воспитывали детей и навещали маму не часто. Днем за ней присматривала приставленная медсестра. Вечером, ночью, утром Сорин терпеливо выполнял роль няньки.

Дом их был отгорожен от соседей с четырех сторон сплошным забором деревьев и кустов. Летом в жаркие дни до болезни Даши они ходили голышом по большой поляне. Глубокой осенью запах прелых листьев напоминал им лес возле приволжской деревни, где они учительствовали вместе после института. Давид Гершенович преподавал математику, а Дарья Николаевна – литературу.

Зима под Чикаго бывала суровой. Их дом заносило снегом по окна. Особенно выматывал силы выезд из гаража на дорогу длиною в девяносто семь метров.

Вот и сейчас небывалый снег покрыл все вокруг...

Был третий час ночи. «Дорожка любви» была расчищена меньше чем наполовину. Две промокшие до ниток рубашки успел уже поменять Давид. Даша не смыкала глаз и упрашивала его лечь спать. Давид поправлял одеяло на ее кровати, целовал ей руки и уходил в ночь.

...снег снег снег на ногах не стоит человек одолею тебя снег я печенег я хочу тебя с утра моя камасутра моя филиппиночка этот филиппик посвящаю Карине моей карме я влип по уши голубые глаза хороши но мне нравятся карие раскосые и косы ее буду жевать и обвязывать вокруг черепа ха и спрячусь как черепаха в ее лоно во имя этого мига моя амига если сломаются лопаты я вырою туннель носом моим горбатым...

...пора купить снегоочиститель...

...ритм тот же свободный стих верлибр ветер стих верь ин зе либе арбайт махт фрай не умирай раньше смерти на снегу играют черти бесы... ноги босы грязно тело и едва прикрыта грудь не стыдися что за дело это многих славных путь но меня оно задело...

...Метров еще сорок осталось...

...а ну-ка песню нам пропой веселый ветер веселый ветер... ветер на всем божьем свете впереди исус христос в белом венчике из роз зацелованный вчасос сос сос... сосо джугашвили...

...Кстати, сегодня пятое марта сорок семь как дуба дал Генералиссимус, но тогда я ревел как белуга...

...не отвлекаться восстановим ритм не ври там никогда я не был на босфоре и в виндзоре на аляске твои ласки твои пальцы и непальцы и непалки елки палки лес густой случай все же не простой...

...Неужели это всплывет когда-нибудь... Сколько веревочке ни виться... но я ведь по-другому уже не смогу. Казалось, я все познал, и вдруг – восток, гейша, и нет запретов, и нет комплексов, претензий. Дашка и в молодости была пресной, стыдливой, а тут еще этот эксидент...

У него кончились сигареты. Даша по-прежнему не спала.

- Усади меня в кресло. Не могу лежать.

Было без четверти шесть. Он выполнил ее просьбу. Аккуратно накрыл ей ноги пледом. Поцеловал в щеку.

- Пойду покурю...

...Что же это такое? Никакая сила меня не остановит, чтобы пропустить эти два часа радости, наслаждения. И главное, я не чувствую перед Дашкой угрызений совести... Такова судьба...

Осталось всего немного. Щипком указательного пальца он выбросил окурок. Снег погасил его.

...За работу това... хватит ёрничать...

Появилось второе дыхание, и он споро орудовал лопатой.

Ему показалось, что за спиной послышался скрип. Он оглянулся... На него мчалась коляска. Даша изо всех сил крутила колеса. Плед упал. Он побежал ей навстречу. Коляску вдруг увело в сторону и ударило о сугроб. Даша вывалилась.

...Господи!

Давид схватил ее на руки, прижал крепко. Она била его худенькими ручонками по плечам, по голове, повторяя:

- Я знала, я знала...

Давид почувствовал щемящую жалость, и еще крепче прижал ее к себе.

- Дашка, родная, успокойся, перестань, я люблю тебя, люблю...

Она вдруг обмякла, сжалась вся и замолкла.

Укладывая ее в постель, он продолжал повторять:

- Я люблю, люблю тебя, глупенькая...

И она поверила, и он сам в этот миг верил, и в то же время он знал, что все придумает, сделает, исхитрится, чтобы умчаться на Филиппины.

СКРИПИЧНЫЕ КЛЮЧИ ИЗ АМЕРИКИ

Евгению Колкевичу

Сразу после окончания консерватории я поменял дирижерскую палочку на автомат Калашникова. Отбояриться от армии не удалось. Предстояли два потерянных года. И вдруг меня вызвали в политотдел военного округа.

- Солдат Гринкац вы окончили композиторско...

- Так точно, товарищ полковник.

- Так вот. В Энском военном училище оркестру нужен дирижер.

Справитесь?

- А как же! Извините, так точно, товарищ полковник.

- Езжайте и примите дела.

Начальник училища - генерал-майор, Герой Советского Союза Николай Иванович Сазонов - встретил меня словами:

- Если не слелаешь оркестр образцовым, будешь месяц чистить нужник.

Потом по-отечески:

- Но если что нужно - немедленно заявляй.

- В первую очередь, товарищ генерал-майор, необходимо приобрести скрипичные ключи, - я не заметил никакого удивления, и меня занесло дальше, - пару палочек и, конечно, ноты.

Когда у меня в руках появилось командировочное удостоверение на неделю в Москву, я поверил моей звезде, шестиконечной.

Мама не поверила, но рыдала от счастья. Жена была нежна и податлива. Двухлетний сын пытался только сорвать погоны.

Я вернулся и по уши ушел в работу.

Через девять месяцев, как и положено, на смотре оркестров военных училищ наш занял первое место.

Я за это время съездил еще раз домой за “басовыми ключами”.

Мама, наконец, поверила в мой могодвид. Жена была на сносях.

Сын все еще пытался сорвать погоны, а заодно и нашивки с лирой.

Сазонов вызвал меня и без вступления:

- Молодцом, Гринкац. Оркестр сдай лейтенанту Марчуку и продолжай трудиться по-прежнему.

- Но...

- Выполняй приказ.

- Могу я закончить службу в строевой.

- На репетицию, кругом. марш...

Я развернулся и пошел...пошел...пошел...и дошел до командующего округом

- Антисемитизм, говоришь. Да. Но если подумать здраво, без спешки и обиды... он заглянул в папку подготовленную для него... в училище нет ни одного еврея-курсанта, нет евреев-преподавателей, и только один майор Рыклин заведует снабжением.

- Товарищ Маршал Советского Союза, разрешите идти?

- Куда?

- В ЦК.

- Сколько тебе осталось до конца службы?

- Три месяца.

- Подай на дембель.

- Слушаюсь.

Я подал на дембель, хорошо поддал с оркестрантами, приехал в Москву и подал... в ОВИР.

Через пять лет я впервые посетил родные могилы, походил по Поварской где вырос, побывал в зале консерватории, посмотрел спектакли, послушал оркестры. И потянуло к... Сазонову.

На пропускной:

- Стой! Куда идете?

- К генерал-майору, герою Советского Союза...

- Фамилия?

- Доложите - дирижер, еврейтор Гринкац.

Что-то подозрительное мелькнуло у дежурного.

- Я букву фффы не выговариваю.

Поверил. Позвонил.

Тут же пришел за мной адъютант и провел в кабинет вне очереди.

- Приехал отблагодарить вас, Николай Иванович. Если б не вы..

- Да чего там, я всегда помогал молодым талантам. Где обитаешь, Гринкац?

- В Гленвью.

Пауза.

- Это где в Англии, что ли?

- Нет, под Чикаго. Примите в подарок бутылку виски “Аль Капоне”.

- Спасибо.

- А Марчуку привез для оркестра новенькие американские скрипичные ключи от нашего Симфонического Чикагского в подарок.

- Отдашь прямо в руки.

Теперь я мог спокойно вернуться домой в Америку.

ПЕТУХ БИЛЛА ГЕЙТСА

Мою жену пригласили работать на Гавайи. Проект был сложным, и требовался специалист ее уровня. Предполагалось на два – три месяца.

- Так что, я останусь один?
- Могу отказаться.
- Зачем? Я выставлю им условие.
- Какое?

- Моя Муза никогда не отдалялась от меня так далеко и на такое длительное время. Поэтому я - ее Муз - должен следовать за нею. Резонно?

Жена согласилась с этим.

Но что удивительно, согласилась и компания. Подтвердив тем самым, что «в каждой шутке...».

И вот мы на пляже Кона, в отеле «Кинг Камехамехас», нависающем над заливом. Из окон виднелись горы, окутанные дымкой, экзотические растения, и океан до самого горизонта. Выйдя на балкон, мы обнаружили под нами метрах в двадцати ферму. Там разгуливали павлины, утки, куры. Солнце медленно опускалось в воду. Начинаясь закат. Мы оказались в раю и уставшие от перелета, быстро заснули.

Ровно в пять утра нас разбудило громкое петушиное «Ку-ка-ре-ку-у-у!!!»

Я на мгновение забыл, что мы на Гавайях. Я перенесся в деревню, где я родился и под такое же «Ку-ка-ре-ку-у-у-у!!!» просыпался и снова сладко засыпал, пока мама не поднимала меня в школу. Теперь вряд ли я уже засну.

Я вышел на балкон. Светало. В гавани за ночь появился многоэтажный сказочный океанский лайнер. Сотни иллюминаторов были ярко освещены электрическим светом. Работая художником на фильме «Смотритель маяка» по рассказу Грина, мне часто снился именно такой корабль. Но даже в макете я не сумел создать подобное чудо. И снова на весь остров призывно зазвучало: «Ку-ку-ре-ку-у-у! – вставайте, люди, встречайте рассвет, начинайте работать!!!». Я увидел его, могучего красавца-петуха с голубовато-желтым опереньем, с ярко-красным пылающим гребнем, устроившегося на изгороди, отделяющей ферму от океана. Мы

повиновались его призыву, спустились на пляж, бросились в освежающую воду и поплыли навстречу солнцу.

Так повторялось ежедневно на протяжении всего нашего пребывания на Гаваях .

Однако в «Кинг Камехамахасе» нашелся человек, до смерти возненавидевший петуха. Он решил объявить его хозяину войну до победного конца.

Это был Олег Павлович Тюменцев, прибывший из Москвы на отдых в Кону с любовницей, с секретарем, с телохранителем.

По утрам, после купания, я брал с собой мольберт и отправлялся на этюды.

Как-то до меня донеслась русская речь. Я увидел на бордвоке два плетеных кресла, столик с бутылками минеральной воды, пива и шампанского в ведерке со льдом.

Поравнявшись, я поздоровался с дородным мужчиной, развалившимся в одном из кресел, и молодым человеком в очках, стоящим возле него.

Они удивились: откуда, мол, здесь еще один русский?

- Когда мы выбрали Кону, нас заверили, что наших здесь не бывает, – огорченно сказал очкарик.

- Я в Америке уже четверть века.

- Не приставай, Леха. Художник?

- Да.

- Этим здесь можно пообедать?

- И поужинать тоже, тем более, что я и моя Муза - вегетарианцы.

К нам подошла высокая полногрудая блондинка в сопровождении «шкафа» - громадного парня.

- Кто это?

- Говорит, художник.

- Интересно-о! Вы рисуете маслом? – спросила она, усаживаясь в кресло.

- Пишу.

- Портреты?

- Только пейзажи и натюрморты, - решил слукавить я.

- Жаль, а то мы бы заказали портрет в натуре, правда, Олежка?

Он пропустил это мимо ушей и спросил:

- А что вы слышали об этой ферме рядом?
- Говорят, она принадлежит Биллу Гейтсу.
- А кто это? – спросила с гримасой девушка.

- Тань! Это самый богатый человек на планете.

- Вот как! Нам здесь нравится, но этот гейтский петух не дает нам выспаться. Не ради этого «Ку-ку-ре-ку!» мы летели за тридевять земель!

- Билл Гейтс! Билл Гейтс! – повторил несколько раз Тюменцев. – Леша! Набери Ларису. Ларь! Узнай все про ферму Билла Гейтса на Гавайях, Конабич. Когда купил, за сколько. Подключи Бермана.

- А сами где живете? – это уже ко мне.
- В Чикаго.
- Там же колотун и бандиты! – среагировала «Тань».

Не сдержался и скаламбурил:

- Колотун – это около тундры, а в Чикаго - снежная зима, ранняя весна, жарковатое лето, и настоящая левитановская осень.

- У Олега работает Левитанов Арнольд...

- Тань, закройся! Да, что там, Ларь? В девяносто девятом за 18 миллионов. На продажу не выставлялась. Ясно. Махало, алоха! Поместному это значит все, что угодно, включая спасибо.

- Алоха! Соедини с Гарри. Привет. Меня тут достал петух. Какой, какой? Настоящий, деревенский, Билл Гейтский! Тот самый. Слушай! Ровно в пять утра кричит, сука: «Вставай, проклятьем заклеименный!». А у меня все падает. Да, я с Танькой. Позвони в администрацию, пригрози, пошуми, пусть уберут петуха - или судим на полмиллиона! А заодно найди борзописцев, звякни Шумилову, соедини со мной, я им дам интервью. Пусть забросают шапками СМИ: «ТЮМЕНЦЕВ ПРОТИВ БИЛЛА ГЕЙТСА!» или в этом роде. Что с разводом? Машины завезены не при ней, дача не на мое имя. Ты сам все знаешь. Пошли ее...

Опустим отборную брань. Я понял, что задержался немного, но не скрою: было интересно встретить и увидеть «племя молодое, незнакомое».

Я откланялся.

На следующий день они исчезли из отеля.

Приехав в Чикаго, я просмотрел русские журналы и газеты и наткнулся на жирные заголовки:

«Тюменцев купил у Билла Гейтса его любимого петуха за сто тысяч долларов!»

«Жадность Гейтса -- Петьку сгубила!»

Доверчивому читателю сочинили, как известный бизнесмен и меценат искусства (неужели он имел в виду нашу встречу?) Олег Павлович Тюменцев показал кузькину мать американцу. Гейтс - клюнул на деньги! Но русский человек не был бы настоящим русским, если бы еще и не показал свою удачу: он приказал зарезать петуха, ощипать его, поджарить на гриле и отослать к столу бывшему хозяину с припиской: «Если все же надумаете продать ферму, сообщите на мой новый сайт «Ку-ка-ре-куру»...

ЕВРЕРЕМОНТ

Тамила прибежала сияющая, возбужденная и, побросав в разные стороны ливингрума туфли-платформы, плюхнулась на выдавший виды диван:

- Вот это жизнь! Май гад, как живут люди! Как живут! Какой шик! Мама подобрала обувь и под села к дочери.

Бабушка вышла из своей комнаты и устроилась в кресле напротив.

- Рассказывай доченька, что там было, как ты выглядела?

- Тамилочка, майн шейн пунем, они тебе дали уже работу?

- Грендма, - это был только презентейшн! Всех выпускников бюти скул пригласили на презентейшн, понимаешь? Я чуть не поломала ноги, пока бежала от метро до "Хайатт - Ридженс".

Но я успела увидеть, как к подъезду подкатил "Ролс-Ройс" цвета фламинго и из него вышла новая президентша компании. сто двадцать миллионов за один прошлый год! Май гад, сто двадцать миллионов! А я за три месяца продала помаду и ресниц аж на тысячу сто зеленых. Да, ее встретили овацией. А какой на ней был брючный костюм от Армани? Закачаешься! Мои одесские шмотки - это утиль сырье. Семьдесят женщин сделали миллион с лишним и если они только получили двадцать процентов - это двести тысяч! Май гад - двести тысяч! Я вылезу из кожи вон, чтобы делать такие бабки!

- А при чем тут я? - возмутилась бабушка.

- Грендма, я имею в виду не тебя, а доллары. Я добьюсь чтобы кататься на каре цвета фламинго! Представляете: в нем напичкана вся новейшая электроника. Если ты заблудилась на хайвее, тебе табло покажет правильную дорогу - там есть спутниковая связь!

- Тамилочка! Мы когда едем на нашей "Корове-тойоте" и папа не знает, куда повернуть, мама ему тоже, как табло, указывает дорогу: поезжай по Кларе-на-ремонте, а теперь поверни на Розу-на-ремонте, а возле магазина "Ремонт телевизоров"...

- Гре-ендма-а-а! Тебе самой нужен капитальный ремонт, настоящий евроремонт!

- Хорошо еще, что ты предлагаешь еврейский, а не арабский...

И обиженная бабушка удалилась в свой бедрум.

Мама заплакала.

Тамила набрала номер телефона:

- Джордж, Жорик, я передумала. Заезжай, рванем на диско.

МИЛЛИОНИУМ

Пожилые эмигранты смотрят по телевизору дебаты.

- Наум, Гор - еврей?

- Кажется, а гешматер.

- Конечно, фамилия а идише. Помнишь, у нас в сельпо бухгалтером работал Горбис. И Лея Горбатая, что жила у помпы. И он похож на еврея.

- Фаня, дай понять о чем они говорят.

- А что я тебе мешаю? Завтра в русских газетах будет все подробно.

Небольшая пауза.

- Наум, что это за миллиониум? И этот говорит “миллиониум”, и тот говорит “миллиониум”. Про какой такой умный миллион идет речь? Может, они его разделят среди эмигрантов?

- Фаня, хорошо, что тебя не слышат наши внуки. Они бы имели над чем посмеяться.

- Ты ходишь в Трупен каледж, и я не могу сравниться с твоим английским. Объясни толком про миллиониум.

- Помнишь, когда мы были в Ладисполи, итальянки кричали на базаре: “Уна миля!”, “Уна миля!”...

- Что значит не помню - уна миля это одна тысяча. Три кило индюшачьих “крылья советов” стоили уна миля... кстати, куда делся этот Миля, что занимался устройством на квартиры? Ой, какой это был жулик...

- Кажется, он здесь погорел на бензиновой колонке и сел в тюрьму..

- Так ему и надо. Так что ты имел в виду с индюшачьими крыльями...

- Миля - это тысяча, а миллиониум - это тыщелетие

- Так что, они обещают увеличить пенсию?

- Дадут бесплатно лекарства.

- Так нам их и так даром выписывают.

- Нам да, а американцам - нет.

Фаня уловила что-то похожее на Израиль, а в действительности один из претендентов произнес “ит из риали”.

- Наум, кто из них лучше за Израиль?

- Они вынуждены быть за Эрец Исроэл. Ты же понимаешь, наше лобби в конгрессе очень крепкое

- Ты имеешь в виду лобы - умные идише коп?
- Не только умные, но и имеющие вес, кеноре.
- На таких продуктах, что тут, можно иметь вес. Наум, вот этот, что спрашивает их, каждый раз повторяет: дебейц, дебейц. Так знаешь, что я тебе скажу: пусть они не крутят ди бейцым и возьмут русского переводчика. Хотя бы Джоэну из Джуиш кому-нибудь центр. Уже десять часов. Переключи на “Бандитский Петербург”.

НЕОТРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Сестричка, дорогая-дорогая, так оно и есть, ты теперь стоишь не одну тысячу, и хотя ты забралась в Австралию, на край земли, как она тебя только носит, а гит морген тебе! (Это не имеет ничего общего с моргом, надеюсь, ты еще помнишь немного идиш?).

Ты, конечно заметила, что на конверте я жирно написала: “Не отравлено!”, а то сейчас, когда свирепствует “сибирская язва” – хотя что она по сравнению с такой язвочкой, как ты, увидев мое письмо, фамилию и адрес, а я их не скрываю, как некоторые, ты все же откроешь его, дочитаешь до конца и получишь полную порцию нахеса.

Как я тебя через год с лишним вычислила? Мой Сэмочка, а клиг копэлэ, нашел вас по интернету, чтоб он был здоров, имею в виду не компьютер, а внучечка.

Да, мама тебя любила больше меня, потому что ты умела искусно притворяться, но это не повод, чтобы все наши фамильные драгоценности, и какие драгоценности (список прилагаю отдельно), драгоценности, нажитые за долгие годы нашими родителями, драгоценности, которые вы вывезли, имея “канал”, принадлежали только вам, каналы и предатели!

Почему ты не подавала признаков жизни?

Или у тебя болезнь Эйзенхауэра, которой, к сожалению, поражен наш бывший президент Рейган?

Или не хочется расставаться с бриллиантовым колье?

Я в Америке не голодаю, не бедствую, имею субсидированную квартиру, одета с ног до головы, получаю пенсию и еще работаю на кэш, но обидно, ой как обидно, что сестричка-невеличка оказалась такой пронырой, конечно, не без участия своего муженька-афериста, картежника, бабника – хотя мы тебя предупреждали про это, а ты тараторила одно:

“Бельмондо! Бельмондо! Вылитый Бельмондо!”

Вылить бы ему на морду самовар кипятка.

Так вот, как старшая сестра, имеющая двух дочерей и трех внуков. не то, что ты бездетная, я требую, пока по-хорошему, чтобы вы отдали нам причитающуюся большую часть награбленного вами богатства.

Иначе нам придется воспользоваться другим способом. Мой бойфренд знает как это делается...

Пока еще бывшая твоя сестра.

Письмо вернулось обратно с почтовым штемпелем:

“Адресат умер”.

СМЕЙСЯ И ПЛАЧЬ...

Марта Семеновна готовилась к приходу детей с внуками и решила угостить их настоящей еврейской мацевой бабкой. Когда она стала разбивать яйца, они оказались протухшими.

- Конечно, - обратилась она к мужу, - ты хотя бы раз в жизни посмотрел на экспайерс? Они на целый месяц просрочены. Пойдешь завтра в "Алди" и поменяешь. Хорошо еще, что я сохраняю все чеки. Ты всегда был размазней и таким останешься до конца жизни. Тебя никуда нельзя послать...

- Можешь послать...

- Знаешь что? Гей ин тухэс аран. Чтоб не напрашивался.

Он уже сорок семь лет выслушивал такие разговоры и приучился отщучиваться или молчать.

Марта Семеновна позвонила знакомой с пятого этажа.

Трубку взял муж.

- А где ваша Цилечка?

- Она играет в бинго у Коганов.

- Самсон Давыдович, у вас не найдется пара яиц для бабки?

- Какой может быть разговор. Поднимайтесь.

Бабка получилась на славу. Николь просила добавку, а Баб вылизывал тарелку, на которой остались крошки, языком.

На следующий день муж Марты Семеновны пошел в магазин менять яйца.

Он не выспался, у него болела голова, и ему было обидно.

Все же он не мальчик, а бывший завкафедрой и заслужил большего уважения.

Календарь показывал – первое апреля, и он решил разыграть шутку. Яйца он не поменял, а купил новую дюжину, оставил в коробке парочку в центре, добавил туда десяток тухлых и принес домой. Марта Семеновна начала с проверки даты.

- О, это другое дело! Теперь ты уже будешь знать на всю оставшуюся жизнь, что надо посмотреть на "селл бай".

- Буду, - согласился он.

Марта Семеновна, взяв в руки по яйцу, пошла отдавать долг.

- А мне Самчик не сказал, что он вам дал яйца, - съехидничала Циля Исаевна, - я-таки заметила, что их нет на месте, но подумала, мало что может быть.

- Цилечка, мой точно такой же. Никогда не скажет, никогда не помнит, никогда не видит.

- Самчик вернется сейчас из “Даминикса”, а яичница будет уже готова. И с этими словами она разогрела сковородку, положила на нее кусочек сливочного масла и разбила об угол плиты первое яйцо.

Вонь вмиг наполнила кухню.

Циля Исаевна посмотрела на Марту Семеновну выразительным взглядом. Второе яйцо добавило еще больше вони и вражду на всю оставшуюся жизнь.

Пока Марта Семеновна вернулась обратно, ее муж поменял яйца местами в коробках, предусмотрительно оставив в новой только десять, а старую спрятал и сел в кресло читать газету.

Он улыбался и ждал ее появления. Она бросилась к яйцам. Еще раз проверила дату. Разбила над тарелкой первое попавшееся, и оно оказалось нормальным.

Марта Семеновна была вне себя. Побежала к телефону.

Муж ее тихонько проделал старую операцию - снова поменял яйца в коробках.

Высокие тона, переходящие в крик, “... и чтоб я так была здорова, и чтоб наши дети...” доносились к усевшумуся вновь в кресло мужу...

Марта Семеновна схватила новую коробку со старыми тухлыми яйцами и помчалась к обиженной соседке...

Через минут десять она вернулась “с свинцом в груди и жаждой мести...”

- Собирайся, старый дурак, поедem вместе в “Алди”. Я им покажу, как обманывать пенсионеров, они у меня попляшут....

“Старый дурак”, вдруг стал улыбаться и запел:

- Смейся, паяйцы, над разбитой любовью,

Смейся и плачь....

- Ты сошел с ума!

Он улыбался и пел:

- Смейся, паяйцы...

“С МАЛЕНЬКИМ РОСТОМ...”

“Стройная блондинка 29 лет, с высшим образованием, любящая поэзию, музыку, живопись, театр, сексапильная мечтает встретить мужчину с такими же интересами и качествами. С маленьким ростом - не беспокоить.”

Меня это страшно задело. Я - математик, доктор наук, готов любить с утра до вечера, а она - не беспокоить. Да, я карлик, остановился в росте десятилетнего ребенка. А интеллект, а страсть? Ах ты, блондинка крашенная бальзаковского возраста!

Забрался в кресло. Набрал номер “и гормон я свой настроил на веселый лад”:

- Добрый день! Меня зовут Эрнест. Да, вы угадали: в честь Хемингуэя - он был тогда моден. Простите, а как вас величать? Эдита! А это не в честь Пьехи? Или дочери Леонида Осиповича Утесова, с которым, кстати, имел честь быть знакомым. В детстве. Я играл на скрипочке. Маленький ундервуд. Меня показали Утесову. “Вырастешь приму в оркестр”, - и потрепал по щечке. До сих пор ее не мою. Рад, что рассмешил вас. Ушел потом в “мать и мачеху” - так я прозвал математику - и в пятнадцать поступил на мехмат. В Америке я пять лет. Работаю в университете. Полный профессор, .. поджарый, спортивный (меня понесло), бегаю шесть километров по утрам ежедневно в любую погоду. Кстати, где вы живете? В Гленвью на Линден. Унтер дер Линден. Сейчас по интернету определим расстояние вашей... квартиры от моего дома. Конечно, я не женат. Иначе я бы вам не звонил. Итак, вы находитесь от меня - три с четвертью майлс. Машиной - семь минут. Добегу... минут за тридцать. Сегодня воскресенье. К обеду? С радостью. Вы не против “Киевского” торта, коньячка “Курвуазье”, пиццы с грибочками? Отмечаем. Ваши любимые цветы? Кааллы? Обожаю тоже. До свидания! До первого свидания.

Я хотел увидеть ее лицо, когда она откроет дверь.

Лицо было писаной русской красавицы... но перекошенное от неожиданности:

- Вы к кому?
- По объявлению. Меня зовут Эрнест.
- Но вы...
- А чем я вам позвонил?

Она посмотрела на мои занятые руки и... просияла! Подхватила меня с коробками, бутылью, букетом на руки и унесла в альков.

Вот я каков!

НорСИНГ-СИНГ хоум

В норсинг хоуме готовились к юбилею.

Через три месяца эмигрантке из Одессы Фаине Краснобродской исполнялось сто лет!

Была послана информация в Белый дом, в офисы штата, сити холла, и ждали оттуда поздравления за подписями самих: президента, губернатора, мэра!!!

Кормили Фанечку “на убой” – за завтрак, ланч, обед, ужин она должна была съесть еды в три тысячи пятьсот калорий. Пичкали ее пачками лекарств, каждый день делали тесты, взвешивания – не дай бог, чтобы похудела!

Она была козырной картой для рекламы – вот, мол, сколько живут в нашем норсинг хоуме!

Ее единственный сын, старый холостяк, так и не женившийся из-за безумной любви к нему мамы, ежедневно навещал ее.

Каждый раз она встречала его вопросом:

- Ты Монин друг Арончик, с Малой Арнаутской? Почему ты такой худой? Помоги мне поесть эту переперченную курицу. Они, – она переходила на шепот, – хотят меня отравить. Ешь и молчи.

Моня молча доедал переперченную курицу. Затем она заставляла его поесть кекс и запихивала в карманы пиджака твердые, как камень, яблоки.

Он жалел ее и не сопротивлялся.

Однажды к нему подошла медсестра Альбина, отвела в сторону и прошипела:

- Мы стали замечать, что вы объедаете маму – она теряет в весе.

Он покраснел, схватился за сердце и не мог выговорить ни слова.

- Мы вынуждены будем вас до юбилея не пускать в палату и сами следить за ее кормежкой.

Он еле дошел до лифта и почему-то подумал:

“Откуда же она родом? Где родилась таким уродом?”.

Бывший филолог, он продолжал баловаться словами.

“А чего стоит фраза “ вы объедаете маму” – такое сам не придумаешь”.

Он вышел из помещения, присел на скамейку в садике и долго приходил в себя.

В голове вертелся каламбур: “ Норсинг... норсинг... норсинг... хоум...”

“Конечно, – обрадовался он, – норСИНГ-СИНГ хоум – тюрьма “Синг-синг”, из которой никому не удалось бежать. Бедная мама. Я сам не сумел освободиться от ее опеки, теперь уже поздно. Хотя...”

И он поплелся домой.

“ Если это можно назвать домом...”

К большому огорчению владельцев норсинг хоума, за неделю до юбилея Фаина Краснобродская тихо скончалась.

Поздравления теперь оказались в корзине для бумаг.

Тем более, что дни пребывания президента в Белом доме заканчивались, а губернатора арестовали.

На кладбище собрались несколько знакомых.

Среди них Моня сразу заметил женщину, которая ему нравилась, они иногда встречались, но мама не допускала и мысли...

Когда закончился “сервис”, Нина Ивановна подошла к нему, взяла под руку, и он легонько прижался к ней плечом...

СВАДЕБНЫЙ ТОСТ

Абьчно всэ листовки с заманчивыми предложениями: “Дешево прадается, вигодный процент, лучшие кухонные кабинэты...” - я вибрасываю в карзину для бумаг.

Этат флаерс меня привлек крупно набранным шрифтом “Карнеги”

Фамилия эта была мне знакома еще в Тбилиси Его книгу “Как завоевывать друзей” прочел как атличное пасобие перед приездом в Америку.

Абъявляли трехмесячные курсы для усовершенствования коммуникабельности, воспитания в сэбе оптимизма, умения выступать перед аудиторией па методике Карнеги...

Я показал листок маему менэджеру, и он согласился направить меня за счет фирмы, в нерабочее время.

Па адному из заданий - палучил приз.

Каждый должен был произнести тост по случаю выдачи замуж своей дочери или женитьбы сына.

Тут мне и карты в руки. Ва-первых - опыт признанного тамады, ва-вторых - это же не абстрактный тост, а тост для моей любимой, обожаемой, ненаглядной, долгожданной Анатэлочки.

Я начал так:

- Дарагое, глубокоуважаемое, високочтимое общество, собравшееся здесь на самое торжественное событие в жизни челавека: бракосочетание!

Мая дочь - нэвеста! Не могу поверить - моя дэвочка, которая с первого дня рождения стала для меня самым драгоценным, что есть в этом падлунном мире, дочка, звездочка моя - нэвеста! Нет, не укладывается это в моем сознании!

Так что же, вставая по утрам я не увижу это небесной красоты личико, прижимающееся к моему плечу? Не пачувствую эти тоненькие ручки на маей шее? Нэужели на ее нэжном пальчике паявится кальцо? Нэужели ее заливающийся веселым колокольчиком смех не будет звучать ежедневно в нашем счастливом доме? Не могу представить! Мае сэрдце разрывается на части, моя душа грустит, мой ум заходит за разум.

Я..., я... - зарыдал в этом мэсте.

Рыдали всэ вакруг..

Руководительница сэминара сквозь слезы спросила меня:

- Сколько лет невесте?

Я долго не мог еще успокоится, а когда выдавил из себя:

- Ей... три годика... - заревел бэлугой и выскочил из зала.

Вслед я услышал... апладисменты.

БЕДНАЯ “ЛИЗА”

Иду я, уставший, по Монмартру и вдруг слышу окликают меня по-русски, да еще по имени и отчеству.

Скажу вам честно, очень это приятно в чужой стране услышать родную речь.

Догоняет меня знакомая пара из Чикаго, в шортах, кроссовках на босу ногу, с “Найконами” на шеях.

- Давно в Париже? – спрашивает он.

- Третий день.

- А мы уже вторую неделю, - говорит она.

- Куда в обед? – интересуется он.

- В Лувр.

- В ресторан напротив музея? Там ужасные супы и плохие отбивные, - поморщилась она.

- Мы, наконец, нашли на Елисейских великолепное местечко: луковый суп настоящий, фирменный, моллюски сами в рот лезут, а куросаны прямо из печки, горяченькие, и холодненькая бутылочка “Клико”, обедение! – выпалил он.

- Правда, цены кусаются, но надо отдать им должное: умеют подать, умеют! Мы только из Италии, там есть неплохие ресторанчики, траттории, но не сравнить: шумно, грязновато, - затараторила она.

- В Испании, - подхватил он, – еда не очень, и дорогая, довольно дорогая. Конечно, в Мексике по сравнению с Европой все почти бесплатно, но вода – дрянь. Опасно. Мы отсюда в Канны – позагораем в чем мать родила. Вы же киношник и знаете, что там есть нудистские пляжи. Побудем в ролях Адамы и Евы.

Я бросил незаметный взгляд на “Еву”.

- Когда все вокруг раздеты – присматриваешься, привыкаешь, сравниваешь и понимаешь, что мы не хуже, а в чем-то и лучше, - подмигнул он, – так что, может, пойдем в “Насьонал” покушать?

- Спасибо. У меня свидание в Лувре.

- И здесь романчики.

- Скорее, небольшая повесть. “Лизой” зовут.

Он хлопнул меня по плечу:

- Ну, тогда до встречи на Диване. *

Я поспешил по тротуару и завернул в первый попавшийся переулок.

- Ба! Знакомые все лица!

Навстречу мне шла другая пара в шортах, кроссовках на босу ногу, на шеях болтались “Минольты”.

...бедная “Лиза” ...

* Devon - одна из главных улиц эмигранского Чикаго.

ПЕЛИКАН В БЕРЕТЕ

Мы отдыхали в Сарасоте. Одной из достопримечательностей города была гиперреалистическая скульптура – точный слепок с фотографии, обошедшей когда-то весь мир: американский матрос, возвратившийся победителем войны, поднял над собой незнакомую девушку, встречающую линкор, и страстно поцеловал ее. Скульптуру поставили напротив причала. Она полюбилась. На ее фоне фотографировались и мал, и стар. Сделав несколько снимков, мы пошли в сторону океана. Пришвартовывался громадный катер “Флаинг фиш”. С него стали сходить на берег десятки мужчин с нанизанными на бечевки рыбами. Они становились в очередь к столам, где их уже ждали парни с ножами и ... пеликаны.

Рыболовы выбрасывали на столы улов, парни ловко срезали с рыб филе, а головы и скелеты с хвостами швыряли в бочки, стоящие рядом. Пеликаны тут же подхватывали их и, не пережёвывая, проглатывали. Среди них выделялся один: он отбирал только большеголовые остатки. На мелочь абсолютно не реагировал. Толпившийся вокруг народ посматривал на него с улыбкой и беспрерывно шелкал аппаратами.

Выглядел этот выскочка шикарно: в берете, с платочком в кармашке пиджака и палочкой в руке.

Этим пеликаном был... я.

Многие годы соблюдаю макробиотику. Единственное, что она разрешает и считает сверхполезным есть из животных продуктов - это белое мясо морских рыб, а в первую очередь головы. Я – пеликан разборчивый и благодарный.

В ОЖИДАНИИ НЕКРОЛОГА

Посвящаю Ирине

Из канвы жизни героя этого рассказа, Ландышева-Ландсмана.

В трехлетнем возрасте эвакуировался с мамой и бабушкой в сибирскую деревню.

Отец погиб на фронте. После войны вернулись в Москву. Окончил школу. Отработал для стажа два года в типографии, затем поступил в Литературный институт. Печатался. Выпустил пару книжечек стихов.

Но за Ландышевым всегда тащился хвост Ландсмана.

Накопилось много обид.

Эмигрировал с женой и дочерью в Америку.

Работа на радио. Лекции в университетах. Творческие вечера.

Мы застаем его на Черепашьем пляже во Флориде. Он отдыхает здесь с молодой женщиной, познакомившейся с ним на конференции славистов. Они приехали вместе – подготовить ее сборник стихов, хотя он сразу определил, что “поэзия в ее стихах не ночевала”. Жена в это время уехала помогать внучке смотреть за первенцем.

Кстати, билеты за перелет оплатила начинающая поэтесса.

Еще в самолете он глотал нитроглицерин. Они попали в грозу. Мелькнула мысль: “Вот свалимся в пропасть, и finita ля комедия. Сгорит ее рукопись и его заветная тетрадь эротических новелл. Появятся в русских газетах некрологи:

“...известный” – или, скорее всего, - “...популярный поэт Ландышев-Ландсман погиб в авиакатастрофе.” Смерть, может, и не самая худшая: так кончилась жизнь Иосифа Уткина, Евгения Петрова, Сент Экзюпери...

Спутницу прижало к его плечу. Он ее обнял. “А умирать еще рановато!”

Они сидели в шезлонгах перед океаном. С самого утра штормило. Никто не осмелился плавать. Мелькнуло: “Затянет океан вглубь, акулы тут же полакомятся... Новое русское слово напечатает: “Наш постоянный

автор, поэт и эссеист Ландышев-Ландсман утонул во время купания в Атлантическом океане...” Смерть тоже быстрая и мужественная. Так погибли и Байрон, и Шелли, и Евгений Клячкин, и, кажется, юный ученый из Одессы, математик Павел Урысон...” Заныло сердце. Подложил под язык валидол.

Они бродили по чудесному экзотическому парку. Нагулявшись, ей захотелось покататься на ”Чертовом колесе”. Отказаться – это лишний раз подчеркнуть свой возраст. И он рискнул, но предварительно проверил, в каком кармане находится тубик с таблетками. Взмывая вверх и летя вниз, он пережил волнительные минуты. Но пронесло.

К тому же не имел сведений, погиб ли кто из известных, катаясь на ”Колесе”.

Вспомнились Гавайи. Его взяли с собой дочь и зять-американец.. Решили подняться к действующему вулкану. Снизу было видно эту ”доменную печь”. Несколько сот метров над уровнем океана. Еле добрались. Горящая, огненная лава вытекала из жерла. Стоя на смотровой площадке, он подумал: ”Рукописи не горят, а писатели – запросто”.

Собирал после отлива ракушки. Задумал писать на перламутровой стороне двустишия. Одно уже вертелось в голове:

На длинном берегу Сиесты -
Песок белей, чем платье у невесты.

Название сборнику можно дать – ”Стихи на ракушках”.

Неожиданно высоко в небе над водой появился парашют. В корзине, ухватившись за канаты, стоял человек. Глиссер с большой скоростью мчал parasaïl под облаками. Ландышев подумал: ”Ощущение захватывающее, но если сорваться в воду – от удара, должно быть, разобьешься в лепешку.”

Он уже во второй раз посетил туалет. Сказывалась аденома. И, глядя на удобства и идеальную чистоту, думал: ”Когда в России общественные места будут такими же, ее можно будет причислить к цивилизованным странам.”

Ландышева долго не было. Его спутница направилась ему навстречу. Подходя к “Restrooms”, она услышала вой отъезжающей “Скорой помощи”.

Из разговоров вокруг узнала, что “прямо в кабинке умер мужчина”.

Женщина поспешила на квартиру, где они сняли на неделю комнату.

Она быстро собрала свои вещи, laptop с правкой Ландышева ее стихов, его “Заветную тетрадь” и помчалась в аэропорт. На душе ее было скверно, с полицией встречаться не хотелось, а высвечивать свое имя – тем более.

Машина шла по хайвею. И вдруг поэтесса разрыдалась. Остановилась на обочине. Выплакалась. Вытерла слезы. Припудрила лицо и направилась сдавать рентованный “Форд”.

Как умер Ландышев, родные выяснили только через пару недель.

В газетах некрологов не появилось.

Книжка стихов поэтэссы вышла на Украине, в твердом переплете, тиражом в десять тысяч экземпляров.

Часть третья

13 декабря 89. Урожайная ночь. В фойе какого-то зала – не то в ЦДРИ, не то во Дворце им. Леси Украинки в Одессе – после вечера собралась группа “деятелей культуры”, как принято было писать. Среди них – Леонид Утёсов, Лев Славин, Всеволод Азаров. Говорят об Одессе. В руках у меня красный фонарь с круглым телефоном (вчера установили такой формы в бейсменте). Ставлю его на пол. Я показываю фотографии, с видами Одессы, полученные от Леонида Сидорского, и говорю:

- Да, послушайте, хочу вам рассказать сон, особенно интересно это будет вам, Л.О., сон о Вере Холодной.

- О, прекрасно, – прохрипел Утёсов.

Но я увидел, как впереди появился фонарь в руках какой-то дамы. Она быстро удалялась.

- Это мой фонарь! – кричу я, и побежал за ней.

Туннель московского метро, похоже, на станции Свердлова, проходят люди. Я догоняю женщину. Она прижала фонарь к груди. Я тяну его к себе.

- Это мой фонарь! Вы что... – хочу вспомнить слово “проститутка” и не могу. – Он что, вам нужен для публичного дома? – это я заменил забытое слово.

Проходят студенты с гитарой. Поют песенку или частушку, в которой встречалось:

Баран ты

Я воспринял это, как фамилию секунданта Пушкина во множественном числе...

13 декабря (продолжение)

Идёт просмотр фильма в студийном большом зале. Я на экран не смотрю, но слышу звуки и голоса с экрана. Фильм о революции, о вождях, но они не названы настоящими именами, а похожими, например, “Высоцкий” – подразумевается “Троцкий”, и я думаю: это правильно, он был довольно высокий. “Ульянов – Ленин” звучит, как “Емельянов – Тенин” (первый не профессиональный актер играл Ленина в фильме “Октябрь” Эйзенштейна, а второй в “Человеке с ружьём” играл солдата). Кто-то даёт характеристику Ульянову, где он назван “саморекламщиком”. В Швейцарии он – юрист, во Франции – революционер, в Германии – он и философ, он и учёный, а в действительности это – самореклама. В зале сидит человек в пальто и кепке. Я присматриваюсь к нему и узнаю живого Ульянова-Ленина. Он высушен, стар и очень похож на Валю Ленчик.

14 декабря.

Снова снился Утёсов. Зал переполнен. Я говорю:

- Л.О., я объявлю вас вашей настоящей фамилией, Бинштейн.

В действительности я в это время не знал её, настоящую – Вайсбейн, – но во сне она возникла по двум причинам: Биневич – фамилия Аркадия Львова, а я его как-то спрашивал о еврейском происхождении Л.О., мне показалось, там было окончание Штейн, на идиш – “камень, утёс”.

Утёсов наклонился и тихо, чтоб никто не слышал:

- Я прошу тебя, объяви именно: Утёсов.

15 декабря.

Степное место. Похожее на Люстдорф в Одессе, но без моря. На склоне высится здание. К нему ведёт крутая дорога из песка. В здании находится КГБ. Кто-то меня пытается допрашивать. Когда он выходит из комнаты, я бегу по коридору, а затем по склону и дальше по долине. Навстречу идут танки советские и другие военные машины. Летят низко самолёты. Слышны взрывы. По радио объявляют о войне с Америкой (на ночь читал статью “Кто хотел первым напасть в 1941 году, Россия или Гитлер?”). Я бегу обратно по песку вверх: я забыл в здании две книжки. Одна из них – рассказы Чехова...

ХАИМ И АХАЕ

... сплю, скрутившись калачиком, на узеньком топчане. Мама меня трогает легонько за плечо. Она только что подоила Зозулю и принесла мне кружку парного молока. Я, не открывая глаз, выпиваю его, и на губах остается теплая, сладковатая пена...

... сквозь сон я слышу, как мама говорит:

- Эзра, у коровы началась течка...

- Придется вести ее ...

...хотя я не расслышал продолжения разговора, но догадываюсь, о чем идет речь...

... папа ведет за веревку Зозулю, а я ее подгоняю хворостиной...

... мы уже прошли мимо дома дяди Давида, позади осталась школа, крестьянское кладбище, а вот и ветбольница,...

... во дворе напротив хлева - загон из четырех столбиков с перекладинами...

... туда загнали Зозулю...

... теперь она не может двинуться ни вперед, ни назад...

... из хлева доносится рев быка...

... ездовой Павло открыл скрипучие. на ржавых петлях, деревянные ворота..

... в них вырос бык-симментал...

... так его называют в селе...

... вид у него страшный, грозный...

--- я спрятался за спину отца...

... бык, не видя ничего вокруг, с глазами налитыми кровью, кинулся к загону...

... он встал на дыбы, забросил передние ноги на хребет Зозули, и та, мыча, выгнулась дугой...

... я закрыл глаза...

... потом я видел, как бык-симментал обмяк, глаза его помутнели, и он лениво ушел к себе...

... по дороге домой я спросил папу:

- А когда у Зозули будет теленок?

- К зиме.

“Буду его пасти и играть с ним!” - с радостью подумал я.
... громадное помещение...
... много света, блестят алюминиевые трубы под потолком...
... в одном конце зала - широкие автоматические ворота...
... от них по центру тянется лента эскалатора, огороженная по всей длине турникетом...
... стою один в этом пространстве и ощущаю тягостную тревогу...
... доносится рев стада...
... ворота плавно поднялись вверх...
... задвигалась лента эскалатора...
... одна за другой появляются на ленте коровы..
... смертельная тоска в их огромных глазах...
... лишь теперь я заметил, что на другом конце зала, где лента заворачивает влево, висит толстый электрический провод с двумя клеммами на конце...
... вот первое животное поравнялось с этой хитрой придумкой человека...
... провод резко опустился между рогами...
...корова судорожно упала, перевернулась вверх копытами, язык вывалился, из пасти заструилась кровь, и лента унесла свою ношу вдоль стены....
... я в шоке..
... побежал к воротам...
... и вдруг на ленте появилась Зозуля, а за ней ее теленок...
... я бросился к ним..
... окрик: “Цурюк!” “Назад”!...
... “Их бин аух айн юде! “ “Я тоже еврей!” - кричу я.
... прозвучал выстрел...
... просыпаюсь...
... еще долго лежу ни жив - ни мертв...
... в эту же ночь...
... попадаю на склад...
... сотни полок сверху донизу заставлены мясными продуктами..
... окорока, колбасы, филе, ребра, вырезки. целые туши аккуратно завернуты в целлофановые пакеты с яркими наклейками...

... две женщины - знакомые эмигрантки - узнав меня, учтиво предлагают на выбор все, что мне заблагорассудится, притом бесплатно

“Разве они не знают, что я вегетарианец? Или они испытывают меня? Бежать отсюда, скорей!”

... блуждаю между полками и не могу найти выход...

... увидел узкую железную лестницу, ведущую на крышу...

... с трудом, задыхаясь, поднимаюсь по ней...

... упираюсь в дверцу...

... приподнимаю ее, а там совсем узкий люк..

... боюсь, что не смогу пролезть...

.. высовываю руки вперед и, обдирая бока, выбираюсь на воздух...

...вижу прямо перед собой здание Одесского музея западно-европейского искусства ...

... у входа большие плакаты “Выставка работ Хаима Сутина. Париж”...

... направляюсь туда...

... открываются двери, и выбегает навстречу Марк Ройтман...

- Илья Эзрович, я вас уже заждался, идемте, Сутин дает автографы...

... мелькает мысль: “Иди знай - захватил бы его альбом из Чикаго!”.

... на стенах большие полотна с освежеванными коровьими тушами...

... яркие, красные туши...

... а вот и сам живой художник, молодой, высокий...

... мне казалось, что он давно уже умер...

... спрашиваю его на мамелошн: “У вас в роду, должно быть, были мясники?”

... он обрадовался знакомому языку и ответил тоже на идиш :

“Аваде. Конечно.”

“Вы не задумывались, что Хаим на лошнкойдыш - это жизнь, а хае - это животное, тоже носящее в себе жизнь?”

“Нет. Никогда”.

... вдруг со стены с грохотом упала картина...

... по паркетному полу стали расползаться жирные, лопающиеся от крови черви...

МЕСТЬ

В небольшом пограничном городке. накопилось много еврейских семей. Ждут разрешения на отъезд. Олины родители и мы с Эриком тоже здесь. Объявили, как будто, что скоро тронемся. Но пока - можно тронуться мозгами. Зал плохо освещен, скамеек мало, спят на полу. Дородная, яркая и даже красивая комендантша в зеленом костюме с погонями - полновластная хозяйка. Я несколько раз ловил на себе ее взгляд. Было приятно. Она разбудила рано утром всех. «Сегодня состоится прощальный обед. Вы видите, сколько больших казанов с гречневой кашей будут вас ждать.»

Я, действительно, увидел их в коридоре. «А сейчас в течение тридцати минут на привокзальной площади вы все сядете в автобусы, и вас повезут на экскурсию в знаменитый Стрийский парк». «Но ведь это во Львове, туда ехать несколько часов», - мелькнуло у меня. «Никаких вещей с собой брать не надо. Не беспокойтесь, ничего не пропадет. Одного человека из ваших я оставлю здесь» И она осмотрела толпу и остановилась на мне. Я почему-то это предчувствовал. «Затем обед. После подготовите визы, паспорта и отбудете отсюда.»

Я стал пробираться к моим. Она остановила меня. «От меня не отходить». Зал опустел в мгновение. Я вдруг вспомнил, что забыл все наши документы или в Одессе, или в Джурине. Я сказал ей об этом.

«Они никому не понадобятся». «Почему?» «Потому, что они не вернуться.»

Я рванул к двери. Площадь была пуста.

Эта Эльза Кох меня ждала.

- Ты счастливчик. Я давно тебя заметила. Я слышала, что еврейские мужчины темпераменты. Ты обрезан? – неожиданно спросила она.

Я растерялся и кивнул.

- Никогда еще не пробовала с обрезанным. Ты делал кино, я знаю. Я люблю смотреть фильмы. А я бы подошла в актрисы?

Расхохоталась.

- Не пытайся бежать – некуда. Отдайся судьбе и мне.

Сижу за столом. На нем казанок с дымящейся гречневой кашей. Бутылки

с коньяком, водкой, перцовкой. Колбасы, консервы, шоколад, который надо ломать руками. «Боржоми», «Нарзан».

Комендантша появилась в легком халате на голое тело:

- Ешь, надо подкрепиться перед постелью, ты ведь голоден.

Я попробовал только кашу.

Она стала меня раздевать. Я думал, что не возбужусь. Когда она меня горячим ртом стала обцеловывать и опустилась на колени я воспылал.

- Ого! - воскликнула она.

Я был неутомим. Я издевался над ее телом, и она была счастлива. И когда она, утомленная, раскинула руки в изнеможении, я бросился ее душить. И пока не услышал последние хрипы из ее горла, не разомкнул мои руки.

Я проснулся весь в поту и долго не мог успокоиться.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Из дневников Мыши и Человека

М.

...я убедилась, что люди кровожаднее кошек! Те готовы нас сцапать в любую минуту, только попадись им в лапы, но иногда от них можно даже улизнуть. Есть такие, что любят поиграть в «кошки-мышки», увлекутся, а мы юркнем в первую попавшуюся щелку...

...люди же сами нас не едят, а готовы сразу уничтожить – мы им противны, не знаю почему, а женщины нас даже боятся и, увидев мышку, пробегающую по полу, подпрыгивают до потолка и издают истошный крик... Это они заставили мужчин придумать «мышеловку», я в этом уверена...

...в нашей мышьиной истории испокон веков писали о разных видах «мышеловок», даже пытались изобразить их, но никому это по-настоящему не удавалось... мы попадаемся и попадаемся... мы чувствуем запах лакомых приманок, а то, что это просто-напросто коварство, хитрость безжалостных Великанов, мы, простодушные, и не подозреваем...

...когда моя старшая сестра Ми была на сносях, ей захотелось чего-то кисленького и она ушла наверх в кухню...

...Ми долго не возвращалась. Все забеспокоились. Мама не могла найти себе места. Папа гладил ее по спинке, а муж Ми – жирный Мо – грыз газету и молчал... Я решила подняться и поискать сестру. Меня отговаривали, даже щипнули за ухо, чтобы я не совалась...

...я улучила момент, когда родители заспорили между собой, взобралась по трубе к потолку и шмыгнула в щель...

...я никогда еще не была в человеческой кухне... я чуть не ослепла от блестящих предметов, стоящих повсюду...

...запах тела Ми ударил мне в нос, и я направилась к ней. Ми лежала мертвая в лужице крови, а у хвостика... три недоношенных мышонка... я онемела. Послышались шаги, зажегся яркий свет, и я еле уволокла ноги назад...

Ч.

...в час ночи я услышал удар пружинки в мышеловке. Я был уверен, что она переломала серенькой хребет. Стараясь не разбудить беременную жену, я тихонько встал и направился в кухню. Картина была ужасающая...

Мышка – мышкой, а вот мышата, вывалившиеся из кровавого брюшка...

- Что случилось? Почему ты подскочил среди ночи? – услышал я за спиной.

...и раздирающий душу крик...

...по дороге в госпиталь у жены был выкидыш...

М.

...я так рыдала, что не могла ничего сказать на расспросы родителей... они, конечно, догадались, что случилось... Мо оторвался на минуту от газеты...

...у меня целую неделю была лихорадка, а когда я оправилась, то твердо решила посвятить свою жизнь борьбе с мышеловками... ведь так случилось, что именно я увидела это орудие убийства и осталась живой...

...в каждой норе теперь будет описание мышеловки... я снова подымусь на то злосчастное место и уже детально изучу его... меня на мякине теперь не проведешь... бедная Ми, я так любила ее...

Ч.

...моя жизнь резко изменилась после случая с убийством мышки. Перед глазами все время стояла эта картина, а то, что случилось у Генриетты в ту же ночь, я посчитал как наказание нам. Через неделю у меня обнаружили язву желудка. Кровил. Я подвергся операции. Долго приходил в себя. Еще на больничной койке решил никогда больше не есть мясо. Я стал вегетарианцем...

...жена же моя ожесточилась... во всех наших несчастьях она винила ту мышку. А когда на кухонном столе она снова обнаружила мышинные следы, закатила очередную истерику и вынесла приговор: немедленно расставить по всем углам мышеловки...

М.

...у хозяев нашего дома явно какие-то неприятности. Так им и надо. Их не слышно и не видно.

...мышеловки нигде не нашла...

...грязная посуда в умывальнике с кусками картофеля, куриными косточками, засохшим хлебом целую неделю стали всеобщей добычей, но перед каждой вылазкой я предупреждала, что если кто-то увидит деревянные две дощечки с пружинкой между ними, ни в коем случае не

подходить близко, даже если там будут... ломтики сыра рокфор...

Ч.

...оказывается, в хардверстор имеются и «щадящие» мышеловки. Они построены по принципу кабинки. Вовнутрь кладут приманку, и когда мышшь туда забегает, сверху падает затворка. Выйти оттуда мышшь уже не может.

Вопрос Генриетты:

- И что же ты будешь с ней делать?
- Выброшу в кусты у забора. Это триста метров от дома.
- И она не вернется по следу назад?
- Только если ей кто-то откроет дверцу.
- Посмотрим, - заключила она.

На самом деле я еще не знал, как поступлю.

М.

...над нами появились люди... я решила пойти на разведку...

...попросила своих оставаться в норке, пока я не возвращусь...

Ч.

...я понял, что они выходят за едой именно в полночь... я услышал, как мышшка беспокойно вертится в кабинке...

...убедившись, что Генриетта крепко спит, и прихватив со стула брюки, носки, рубашку, тихонько вышел...

...несчастная издавала тоненький писк, похожий на всхлипывание...

...я взял в руки «живой домик» и почувствовал собственное сердцебиение...

...серп луны и звезды на небе лили тихий загадочный свет на наш сад. Под ногами шуршали листья. Пальцы нервно дрожали... я убыстрил шаги, даже побежал и, не зная сам почему, резко бросил вверх к макушке высокой ели кабинку с мышкой...

...мне почудился восторженный писк...

М.

...позор, какой позор! Я поймалась! Опишу все по порядку. Пошныряв по знакомым уже местам на кухне, я не обнаружила дощечек с пружинками и спокойно стала искать пищу. Почувствовала в углу под плитой запах жареных семечек, моих любимых тыквенных семечек! Я вошла в какой-то

темный ящичек и... за мной захлопнулась дверца. Другая мышеловка! Я заметалась по ней взад и вперед. Тыкала носом в стенки – безрезультатно! Мне стало так грустно, что я от обиды захлопала носом...

...затем я услышала шаги, и мою «камеру» взяли в руки... меня понесли убивать... не скрою: страх сковал меня всю... затем я уловила пряный воздух подгнивших листьев... это сад... шаги убыстрились... убийца побежал... и вдруг я поднялась ввысь! Захватило дух, и я, свободная, стала падать по мягким веткам ели вниз, в траву...

...не чуя под собой ног, я помчалась к нашим сообщить, что я жива, и рассказать о новой мышеловке...

Ч.

...Генриетта, конечно, заметила исчезновение мышеловки:

- Ты отнес ее живой за нашу территорию?

- Да.

- Она там подохнет?

- Не обязательно. Если какая-нибудь кошка откроет дверцу, то съест ее.

- На всякий случай поставь новую...

...на душе у меня немного спокойнее, чем раньше... все же мне показалось тогда, что я слышал восторженный писк...

М.

...я вспоминаю этот полет все чаще и чаще...

...наши заготавливают пищу на зиму с огорода возле дома: там растет много подсолнухов, я помогаю им...

...прихожу к ели. Как я ни задираю вверх голову, не могу увидеть ее макушку... неужели меня так высоко подбросили?

...тянет еще раз испытать это чувство полета...

Ч.

...это уже из области фантазмагорий...

...сквозь сон слышу постукивание «кабинки» о плиту... вернулась все-таки... не спешу вставать... Генриетта спит крепко: вчера у нее на работе отмечали допоздна халоуин... она имела успех в костюме рашн: папаха, бурка, брюки-галифе и тонкие офицерские сапоги...

...стук не прекращается, как будто меня вызывают на встречу...

...дверца открыта, семечки на месте... странно, я не мог ошибиться... и вдруг я увидел ее... она спряталась между плитой и полкой для посуды... ее глаза-бусинки дружелюбно смотрели на меня...

...каким-то образом мне передалась мысль...

«Я хочу еще полетать».

«Но ты ведь не летучая мышь...»

«А как они летают? Их кто-то подбрасывает?»

«Нет. У них есть крылья. Притом широкие. Они летают, как птицы, но только в темноте. Ты тоже хочешь летать?»

«Сама я не могу. Если только Вы меня снова подбросите на ель.»

...я согласился... она мягко уселась на мою ладонь, я даже не почувствовал ее лапок...

М.

...я, кажется, сошла с ума: мечта еще раз полетать – осуществилась!.. я наладила контакт с... Человеком. Он меня понял. На этот раз он оказался внимательным, даже... нежным. Когда я приземлилась на ворох листьев, у меня от счастья чуть не закружилась голова... Он присел на корточки, а я к нему пробралась и ткнулась мордочкой в протянутую руку...

...он мысленно назвал это «поцелуем»... я не осмелилась спросить, что это значит...

...я поспешила домой, чтоб наши не беспокоились, куда я вдруг запропастилась, но перед уходом спросила: «Можно хотя бы раз в неделю... полетать?»

Он ответил: «Да».

Ч.

...признаюсь, что я каждую неделю с нетерпением и радостью жду встречи с ней...

...когда после очередного полета у меня вырвалось: «Молодчина!», она как будто обиделась. Я спросил, в чем дело.

Она замялась. Потом грустно сказала: «Это слово начинается с имени жирного и противного Мо... мужа моей... сестры...» Она пощадила меня, проглотив «убитой»...

...я погладил ее по шерстке и попросил прощения...

М.

...выпал снег... глубокий снег... мои полеты прекратились...

...Он взял меня к себе в комнату, где по стенам сверху донизу были книги, а на столах... компьютеры... слово для меня трудно выговариваемое. Он водил по светящемуся экрану... «мышкой» и сказал, что это в честь меня ее назвали. Я думаю, он пошутил!

Ч.

...моя Летунья, наблюдая, как я надевал смокинг, спросила:

- А куда вы собираетесь?

- В театр.

- А что это - «театр»?

Я стал ей читать из «Чайки» «...знаете ли вы, что такое театр»... она слушала с восторгом...

- А что сегодня там будут показывать?

- Кстати, «Летучую мышь». Любимую оперетту моей Генриетты, - пошутил я.

- Я хочу тоже... возьмите меня с собой, пожалуйста, возьмите...

- Как?

- Я спрячусь, - и она быстро поползла к карманчику с платочком. – Вот здесь...

Я не мог отказать ей.

- Придется поменять красный платочек на серый, чтоб ты была менее заметной. Да, и с одним условием: не высовываться, окей?

- Окей, окей!..

М.

...машину вела его жена... от нее пахло духами и мне всю дорогу хотелось чихать, но я зажимала лапками нос, хотя это было не совсем удобно, ведь я находилась в небольшом кармашке и... обещала не высовываться...

...ехали мы долго... Генриетта так быстро говорила, что я много не могла понять... но вот вопрос:

- Ты мышеловку проверял? – я разобрала.

- Они к нам уже не ходят, - сказал мой Человек.

Он был не совсем прав. Наши, действительно, больше не поднимаются, но я ведь хожу...

...подъехали к театру... такое обилие людей я, естественно, увидела

впервые в жизни...

дамы все пахли, из какого-то углубления издавались красивые, но резкие звуки, и гул человеческих голосов стоял беспрерывно...

...мне все время хотелось спросить: а что это такое, а кто эти такие, но я помнила про уговор...

...стали рассаживаться в кресла... наши места были недалеко от громадного занавеса... стало темнеть, все затихло и вдруг загремело, засвистело, запиликало... я прикрыла лапками ушки и, открывая то одно, то другое, стала различать приятность звуков, «мелодий» – подсказали мне...

...потом занавес стал разъезжаться в разные стороны, и за ним открылась удивительной красоты картина... я была очарована... подумала: неужели здесь, в театре, живут где-то наши и каждый день могут наслаждаться этим...

...на «сцену» вышли люди и стали петь... вначале это меня смутило, но я привыкла, и это стало ласкать мой слух...

...когда одна из «актрис» взяла очень высокую «ноту» и закончила пение, все в «зале» стали громко «аплодировать»... кричать «бис»... я не удержалась, высунулась, хлопнула в ладошки и... упала на рукав...

...Генриетта тут же увидела меня... заорала...

- Мышь!!!

...я растерялась и побежала по ногам соседней дамы – точно как Генриетта – визжали, вскакивали с мест, мужчины махали руками, я спрыгнула в проход и помчалась в сторону «сцены»...

...боже, что стало твориться с «публикой»... меня пытались раздавить ногами, только и слышно было: «Вот она!», «Вот она!», «Здесь!», «Здесь!», «Бей ее!»... Появилась «полиция»... «Стреляйте!»

...я шмыгнула под какое-то кресло и затаилась... сердце готово было выскочить от страха...

Ч.

...зачем я согласился взять Летунью в театр... я невольно совершил преступление...

...звериное начало в человеке проявилось во всем его неприглядном виде. И из-за чего? И где? В храме искусства...

...я часто думал о другой ситуации: на сцене идет веселая комедия, а на галерке кому-то из зрителей становится плохо, и он умирает... его стараются тихонько вынести в фойе... актеры смешат в это время публику, и никто не подозревает, что случилась рядом трагедия...

...а тут маленькая, невинная, доброжелательная мышка переполошила весь зал...

...действие на сцене прекратилось и перекинулось в партер... требовали от полиции застрелить ее...

...неужели она погибла?..

...оперетту продолжили, постепенно все включились в прерванную игру... кроме меня...

...что будет с Летуньей, если она осталась жива? Как она доберется до дома?

...машину в обратный путь вел я. Генриетта сидела как ни в чем не бывало, она даже и не подумала связать появление мышки в театре со мной и перемывала косточки знакомым...

М.

...я вся сжалась в комочек у ножки кресла и затаила дыхание... меня уже не интересовал театр... я думала о моем Человеке... как его найти в этом ужасном, враждебном пространстве...

...я чувствовала, что и он думает обо мне, но далеко, далеко от меня...

...от усталости я, кажется, задремала. Очнулась, когда люди стали покидать зал... куда же мне пойти?

...уже в полной темноте я отправилась на сцену... побродила по каким-то комнатам и очутилась... в буфете. И что я увидела? Две дощечки с пружинкой, а на ней - кусочек... сыра...

...несмотря на голод, я выскочила оттуда и зашла в комнату, полностью набитую одеждой... в каком-то углу лежала войлочная шляпа. Я устроилась в ней и уснула...

...вскоре я стала прекрасно ориентироваться в театре...

...прокормиться здесь можно, но мне хочется к дому с елями...

Ч.

...не выходит из мыслей моя Летунья... я чувствую, что она жива...

...Генриетта собирается в Нью-Йорк навестить свою сестру...

...у меня созрела идея снова пойти в оперетту в отсутствие жены... заказал билет... место то же самое, но на два ряда впереди...

...а может быть...

М.

...сегодня дают «Летучую мышь»... я сразу почувствовала, что он здесь...

...проявила осторожность, как никогда... ряд, где сидел мой Человек, находился справа... добраться к нему, двигаясь под креслами, – не проблема, главное перебежать по дорожке между рядами и не быть замеченной... второй раз испытать... не дай бог...

...я уже знала, что в середине первого акта вырубается свет на несколько секунд, - вот тогда я к нему приду...

Ч.

...я почувствовал, как по наружной стороне штанины она подымалась ко мне на колени...

...я накрыл ее ладонью...

...радость и покой охватили меня...

...в антракте мы покинули зал...

М.

...из театра мы довольно быстро добрались до нашего ранчо...

...наступила весна, под любимой елью зеленела трава...

...я взлетела, как никогда, высоко-высоко...

...еще раз, и еще раз...

- Спасибо-о-о-о-о-о-о-о-о-о!!!

РАЗДВОЕНИЕ

...Я стремительно падаю вниз с невообразимой высоты, весь опутанный сеткой. С приближением земли я ощущаю холод смерти. Страх сковал сердце, и голос не повинуется мне. Доля секунды - и от меня не останется мокрого места...

...и вдруг...

...сетка зацепилась за выступ верхушки громаднейшей железной башни и завертелась на нём, как волчок...

...и Я же, стою в сторонке от сотни зевак у подножия Эйфелевой и, глядя вверх на себя, вертящегося, спрашиваю: “Если Я, что в сетке, сорвусь с выступа и грохнусь о землю, и неминуемо убьюсь, останусь ли жив Я, что нахожусь здесь внизу?”

...и Я не могу сказать себе ни “да”, ни “нет”. Только в Джурине, только дома Я могу получить ответ на мой вопрос. Надо мчаться туда, в местечко, не медля, сейчас же...

...бегу по набережной Сены, бегу под мостом, бегу по безлюдной широкой площади, где высятся стены без единого окна, бегу вдоль железнодорожной насыпи, за мной увязалась тощая, длинная собака, выбегаем к саду у каменоломни. Вот уже виднеется маковка церкви перед школой, взбегаю на пригорок - и передо мной Джурин. Спускаюсь по шоссе к речке, на мосту догоняю М., нашего родственника, он в той же самой замасленной тужурке, как и десять лет назад, когда я его видел последний раз. Спрашиваю его:

- Как там наши?
- Они все тебя ждут, - отвечает он.
- И мама тоже?
- И мама, и папа и братья.
- А разве мама не умерла от рака?
- Нет, она жива. Они все тебя ждут.

Боже, значит мама жива! Я оставляю М. и бегу вверх по каменным улочкам к дому с балконом. Стемнело. Сердце тревожно ёкает в груди. Вот и лестница из ракушечника, шаткий балкон, крошечное окошко спальни, узкий коридор и открытая дверь в столовую. За столом сидят папа и два моих брата. Мама выходит из кухни, держа в руках тарелку с бульоном, и

ставит её перед отцом. Лицо у неё меловой белизны. Но она жива! Никто не удивился моему приходу. Я вспоминаю, зачем я мчался из Парижа, и спрашиваю старшего брата:

- Скажи мне, если Я, тот, что в сетке, сорвусь вниз и убьюсь, останусь ли жив Я, что перед тобой?:

- Ты обязательно умрёшь тоже, - отвечает он, продолжая есть бульон.

...Я сбегая по лестнице, бегу вдоль речки, мимо церкви, мимо сада, вдоль железнодорожного полотна, ко мне присоединяется длинная немощная собака. И вот уже площадь с высоченными домами без окон, набережная Сены и... наконец, Эйфелева башня...

...Я, в сетке, чувствую, как она сползает от непрекращающегося вращения с выступа. Лечу в пропасть...

...Я внизу. Разрывается сердце. Тьма заливают голову...

... Я УБИЛ ЕГО ...

... вчера перед сном взял просмотреть “Натан дер вайзе” с рисунками Каплана...

... Берлин спустя десятки лет ухватился за уцелевшего еврейского художника и издавал его непрерывно ...

.. перед моим отъездом Анатолий Львович надписал мне альбом...

... как это давно было ...

... и его уже самого нет в живых...

... йисгаддал вйискаддаш шмей раббо...

... а еще раньше, будучи первокурсником и влюбленный в преподавательницу немецкого, перевел первый акт “Натана Мудрого” Лессинга ...

... она поразила моим познаниям, но оказалась антисемиткой...

... держу перед собой прекрасно изданный фолиант, увидел знакомый текст, с каждой строкой становится легче читать...

... читаю...читаю..

... шнеллер, шнеллер! - высокий худой офицер подгонял плеткой колонну. Он хлестал ею по спинам, по головам женщин, детей, стариков...

- Шнеллер!

... мы приближались к повороту дороги на каменоломни...

.. впереди большое ореховое дерево, знакомое с детства, речка, мост...

... я шел, крепко держа в руках руки жены и сына, а Оля - мамину руку...

... “бежать, бежать во что бы то не стало...”

... вот-вот мы сравнимся с офицером, остановившимся у дерева...

.. он стоял спиной к нам...

... на боку торчала кобура...

... спасительная мысль мелькнула в голове...

... шепнул моим: “Следуйте за мной...”

...я легко вынул наган и приставил его к шее немца: “Не поворачивайтесь, не кричите...”

... он застыл, окаменел...

“Идите под мост!”

... он попытался повернуться...

... я ткнул посильнее дуло...

... он послушно начал спускаться...

... мои шли за нами...

... мы перед быстро журчащей водой....

... должно быть, работает мельница и открыта запруда...

“Остановитесь! Раздевайтесь! “

... у него дрожали руки и ноги ...

- Быстрее!

... он аккуратно снял головной убор, китель, сапоги, брюки...

“Кальсоны оставьте!”

Оля тихо: “Отпусти его и бежим.”

- Это нас не спасет. Через минуту-две он примчится за нами с собаками...”

... я заставил его переодеться в мои шмотыс с желтой нашивкой на старом пиджаке...

- все, теперь оставь его, - просит Розалия Моисеевна...

Идите по роще. Я вас догоню.

... нащупал ногой большой круглый камень...

... нагнулся за ним, уткнув немцу пистолет в спину...

... он, как в замедленной съемке, стал поворачиваться ко мне...

... я ударил его по голове...

... он стоял, вытаращив глаза...

... бью наганом и камнем одновременно по многу раз...

... он упал в воду...

... я проснулся от звука падающего предмета...

... это соскользнула на пол тяжелая книга...

... сон проявился во всех деталях...

... я надиктовал его на магнитофон...

Комментарий. Мне часто снится гетто, фашисты, погони, очереди...

... я в этих снах бываю юношей, а иногда взрослым, и реже в возрасте сегодняшнем...

... в действительности, к началу оккупации мне было два с половиной года,

а к концу - шесть...

... всегда пытаюсь спастись побегом или страстной речью перед окружившими меня полицаями, и среди них обязательно находится Федька Царук, стрелявший в моего брата Шмилыка, забывшего нацепить на одежду могоендовид...

... спасало только просыпание...

... впервые в этом сне я - не беззащитная жертва, я сопротивляюсь, я наступаю сам, я... убиваю врага ...

... чудесная метаморфоза...

ЗАПИСИ ИЗ “ПАНАСОННИКА”

1 января 2008

Первые сны этого года. Меня снова приняли на работу преподавать режиссуру и мастерство актера в училище. Я рад. Выхожу к каменной лестнице, хочу постоять у парапета и посмотреть на море, на маяк. Вдруг обнаружил, что на мне нет ботинок. Бегу обратно. Сперва в секретарскую. Никто не видел. Иду в репетиционный зал – нет. Явно украли – ботинки-то итальянские, на меху. Вспомнил, что на Гоголя сапожная на углу. Там в витрине выставлена обувь. Хорошо еще, что я одел шерстяные носки, но они быстро протрутятся на одесской гальке. Вот и мастерская. Там стоит у окна Ноях. Рассказываю ему ситуацию. “Я у них выторгую подешевле. Подожди.” Два еврея сапожника не податливы. Черт с ними - пойду на Дерибасовскую в “Пассаж” и куплю новые, доллары у меня есть. По дороге решил проверить, со мной ли бумажник. Конечно, нет, он в моем твидовом пальто, а где оно? В училище осталось. Мчусь туда и не могу найти здание.

Вместо старого замка с бойницами – выкрашенный в белый цвет банк с оградой. Иду обратно к сапожникам. Там – обмен валюты. Скорей надо убираться отсюда...

На Гаванной возле костела, между ним и двухэтажным домом – узкое пространство. Вот там и находится кладбище. Хоронят не в гробах, а в узких и невысоких этажерках на колесиках. Тело покойника лежит на дне этажерки и задвигается в это пространство, плотно друг к дружке. Вижу, как по тротуару движется процессия. Впереди ее катают этажерку высотой в двухэтажный дом, выше, должно быть, не положено. Ее задвигают, и она тютелька в тютельку помещается в отведенное для нее место. Видно, хоронят очень богатого покойника – это уже личный склеп.

2 января 2008-01-02.

От снов осталось размытое изображение. Маленький ребенок. Юная мама. Снимают комнату у американской пары. Старики. Я навещаю их.

Помогаю по хозяйству. Жена ли она мне, мой ли ребенок – не понятно, но отношусь как к родным. Старик и старуха расшумелись в соседней комнате. Ребенок заплакал. Захожу к хозяевам. Господи! Это Олины родители! Я бросаюсь к ним, плачу, радуюсь. Они живы. Бегу в спальню. Там никого. Дверь на улицу распахнута. Я туда. Попадаю в наш двор. Юная мама качает качели. Там хохочет Лючик, мой внук.

3 – 5 января. Метаморфоза. Выхожу из дома Гали Лещинской. Иду по липовой алее. Под ногами не то лягушка, не то ящерица. В руке моей палочка. Не успел дотронуться, как лягушка сложилась и стала яркой, с большими крыльями бабочкой и села на носок ботинка. Хотел ее сбросить, а она сложилась, и по мне поползла ящерица, высовывая быстро-быстро язычок. Холодок пошел за ворот. Я скинул пиджак. Вытряхиваю его. Бесполезно. Уцепилась намертво. Бросаю пиджак на траву и убыстрил шаги. За мной помчалось что-то. Выбежал в рощицу. Там у дерева стоит Марк Ройтман и курит сигару. Подбегаю к нему.

- Илья Эзрович – на вас лица нет. Что с вами?

- Я умираю, Марик.

Кладу голову на его плечо и рыдаю...

Только что состоялся концерт Ромы Карцева. Иду за сцену. Ищу гримерную, где он расположился. Вижу рабочего в подтяжках, стоящего ко мне спиной.

- Ам сорри! – обращаюсь к нему.

Поворачивается Рома.

- Не сорите словами, Илья.

Мы обнялись.

- Я слышал, вы подготовили “Иосиф и его братья” – завидую – все-таки Томас Манн.

- Рома, это всего-навсего мой фарс “Иосиф Виссарионович и 11 членов ЦК”.

Он стал дико хохотать, я за ним.

15 января. Вечер, посвященный Холокосту. Я готовлюсь к

выступлению. Возле меня крутятся два белобрысых “мальчика”. Чувствую их враждебность. Но выступить нужно обязательно и хорошо. Хочу проверить, работает ли прожектор. Направил луч на сцену.

В него вошли оба “мальчика”. Раскрыли зиперы и стали поливать занавес. Я выскочил на подиум, схватил их за шеи и вывел из зала. Раздались аплодисменты. Сотни людей встали. Такая аудитория мне необходима.

16 января. Снова сон, связанный с выступлением. На этот раз Анна Андреевна Ахматова приехала в Сарасоту, и я организовываю ей творческий вечер. Зал заполняется слабо. А.А. отдыхает в гримерной. Иду за ней. Она лежит на полу, прикрытая коротким халатиком. Подбегаю к ней. “А.А., Вам помочь?” “Нет-нет, я так релаксируюсь после йоги”. Я вспомнил фотографии, где она выполняла сложнейшие упражнения. И на рисунках Модильяни тоже. Но сейчас-то она грузная. Оля, правда, утверждает, что йогой можно заниматься в любом возрасте. А.А. пытается встать, поворачивается набок, но ей не удается это. Я помогаю. Она благодарна. “Вам на сцену поставить кресло?” “Это будет лучше, чем табурет.” Я оценил ответ и пошел искать кресло. Зал пустоват. “Мертвая жизнь здесь – они правы”, – вспомнил я Раю и Игоря. Иду в вестибюль. Встречаю маму. Она в затрапезном платье. “Мама, пожалуйста, одень понаряднее платье.” Появляется папа – в старых брюках, заправленных в сапоги. “Папа, и ты переоденься, пожалуйста”. Они, не произнося ни слова, удаляются. “Господи, что же это я! Как я встретил их?” Бегу за ними. Выхожу из помещения и не могу их найти. Усталый прислоняюсь к стене и вдруг вспоминаю, что и мама, и папа, и Ахматова давно уже умерли. Грустно, одиноко, беспокойно...

18 января. В консерватории идёт экзамен или конкурс. Кто-то мне говорит, что в нём участвуют три музыканта – и все евреи. Один – талант редкий, он вне конкурса, конечно, другие также имеют шансы. Я тоже поддерживаю эту мысль. Появляется парень с курчавой шапкой волос. Вот это он есть, который вне конкурса, – догадываюсь я...

Оглавление

Часть первая: Издалека об Одессе

Знакомство.....	5
Соль Одессы.....	6
Лолита на Черном море.....	8
Урна с прахом.....	17
Крик.....	21
Летоисчисление.....	23
Эр рет аф идиш.....	28
Любовь и место.....	31
Труп.....	39
Мэйкап - кап - кап.....	41
Девочка в раме.....	42
Спелинг.....	45
Подковы счастья.....	46
“...седой боевой капитан...”.....	52
Челюсти.....	55
Могильный телефон.....	57
Позорная труба.....	59
Кроссовки.....	61

Часть вторая: Из жизни племени эми

Грейпфрут.....	64
Два пальца об асфальт.....	65
Такой тип или просто Филя.....	67
“Москва”.....	72
Непечатное слово.....	74
Сэкспириенс.....	76
Нашлось.....	78
Венера Милуокская.....	79

Умчаться на Филиппины.....	81
Скрипичные ключи из Америки.....	84
Петух Билла Гэйтса.....	87
Евреремонт.....	91
Миллиониум.....	92
Ниотравленное письмо.....	94
Смейся и плачь.....	95
“С маленьким ростом...”.....	97
НорСИНГ-СИНГхоум.....	98
Свадебный тост.....	100
Бедная “Лиза”.....	101
Пеликан в берете.....	102
В ожидании некролога.....	103

Часть третья: Из “ПанаСонника”

Записи снов.....	106
Хаим и ХАЕ.....	108
Мечь.....	111
Летучия Мышь.....	113
Раздвоение.....	122
Я убил его.....	124
Записи снов.....	127

